

СОДЕРЖАНИЕ

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Иосиф Бродский
Рождественская звезда 3

Протоиерей Артемий Владимиров
Избранные сосуды Божией благодати 4

Руслан Армеев
Возвращение святого Или 6

ПРАВОСЛАВИЕ – РЕЛИГИЯ ЗАПРЕТОВ?

Олеся Николаева
Свободу в человеке убивает грех 8

Лариса Беляева
Анкета «Лампады»
Скажите, пожалуйста 10

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Павел Демидов
Плюс-минус ноль 12

СТРАНА СЛОВ

Дмитрий Шеваров
Внушение нежности 14

Юрий Казаков
Свечечка 16

СТРАНА КРАСОК

Дмитрий Шеваров
Поговори со мною, брат 20

ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

Дмитрий Шеваров
Главное – верить и молиться Богу 24

ЛАМПАДКА

Дмитрий Шеваров
Ваше и наше родное 28

Живут такие мальчишки 29

МИР ВОКРУГ НАС

Игорь Эпанаев
Юные рифмы Русского Севера 30

*Дарья Смирнова, Екатерина Калинина, Илья Сысоев,
Наталья Стулова, Дмитрий Стулов, Марина Филиппова,
Полина Панюшкина, Анастасия Шебалина, Наталья
Добродеева, Максим Приходский, Игорь Эпанаев*
Стихотворения 30

Марина Нецветаева
Для вашей библиотеки
Неправильные книжки миссис Уилсон 32

Дмитрий Шеваров
Разговор о самом главном 35

Мария Городова
С уважением, Мария Городова, или 24 письма о любви . . 36

Белла Ахмадулина
Эпохи одинокий колокольчик 38

Оксана Травина
Право и долг
Жилищный вопрос и социальный ответ 39

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Верстка И.В. Бухаровой

Корректор Т.В. Глазкова

Фото на обложке:
Ферапонтов монастырь

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-926-105-1054

www.znamenie-hovrino.ru

Регистрационный номер А-0275
Выход в свет 10.07.2010

Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
город Москва.

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы

Сбербанк России г. Москвы

ИНН 7712050269

р/с 40703810938080100250

БИК 044525225

к/с 3010181040000000225

КПП 774301001

Отпечатано в ордена Трудового
Красного Знамени
типографии им. Скворцова-
Степанова
ФГУП Издательство «Известия»
Управления делами Президента РФ

Генеральный директор
Э.А. Галумов

127994, ГСП-4, г. Москва, К-6,
Пушкинская пл., 5

Контактные телефоны: 694-3636,
694-3020

e-mail: izd.izv@ru.net

Тираж 1200 экз. Заказ № 0652

© Лампада 2011

Иосиф Бродский

Рождественская звезда

В холодную пору, в местности, привычной скорей к жаре,
чем к холоду, к плоской поверхности более, чем к горе,
Младенец родился в пещере, чтобы мир спасти,
мело, как только в пустыне может зимой мести.
Ему все казалось огромным: грудь Матери, желтый пар
из воловьих ноздрей, волхвы – Бальтазар, Каспар,
Мельхиор; их подарки, втащенные сюда.
Он был всего лишь точкой. И точкой была Звезда.
Внимательно, не мигая, сквозь редкие облака,
на лежащего в яслях Ребенка издалека,
из глубины Вселенной, с другого конца,
Звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд Отца.

1987

Избранные сосуды Божией благодати

Все люди – равно дети Господни. Но есть среди них избранные, отмеченные особой милостью Божией. Это – Христа ради юродивые. В чем их подвиг? Почему они живут только в православном мире? Есть ли место юродству в наше время? В чем его суть?

По нашей просьбе, известный проповедник, настоятель храма Всех Святых, что в Красном Селе, протоиерей Артемий Владимиров отвечает на эти непростые вопросы.

Этот номер «Лампады» совпадает с юбилеем отца Артемия: 21 февраля ему исполняется 50 лет. От всего сердца поздравляем всеми любимого батюшку, многие лета ему, здоровья, такой же неиссякаемой энергии, сил, пусть его слово о Христе по-прежнему несет в себе удивительную способность проникать в самые глубины человеческих душ. Поздравляем о. Артемия и с присуждением ему высшей педагогической квалификации.

Юродство во Христе всегда было сокровенным, то есть сокрытым от любопытствующих, праздных взоров. Чтобы понять это удивительное явление, нужно верить, что Дух Божий дышит там, где хочет. Он являет Свои дары, которые, может быть, и остаются неведомыми миру, однако не теряют от того своей силы, силы Христовой. С древнейшей поры – с V-VII веков – мы наблюдаем в обителях Палестины и Ближнего Востока появление святых, которых называли юродивыми Христа ради. Достигшие нравственного совершенства, они умели сокрывать чистоту сердца, Христово смирение, всепобеждающую любовь под личиной юродства, то есть внешнего безумия. Это оборачивалось для них гонениями, хулой, насмешками, изгнанием из городов, но даровало свободу от условностей внешнего мира, обогащало их премудрым словом и даровало благодать Духа Святого. Юродивые были одновременно и загадкой для обывателей, и светильниками для имеющих разумение. Благодатное Христа ради юродство пришло к нам из Византии и сохранилось в страшные, тяжелые годы гонений на Церковь в безбожные годы двадцатого столетия.

Нам сегодня предстоит очень важная миссия по крупницам собирать

сведения о тех, кто, по слову апостола Павла, не имели, где главу преклонить, скитались, ходили в козких шкурах, свидетельствуя миру о всепобеждающей Божией любви и оставаясь непонятыми большинством современников. В каждой губернии России, в каждом городе можно и сейчас обрести могилку, предание о тех юродивых, которые под личиной чудачеств или простоты сокрывали благодатную мудрость. Оставаясь чистыми от общественного и коллективного греха, они врачевали души человеческие, указывали путь ко спасению в 20–30–40-е годы XX столетия.

Юродство предполагает сокровенный период вызревания, молитв, покаянных подвигов, трудностей и лишений, которые мало-помалу возводят подвижников к нравственному совершенству. И когда Дух Святой вселяется в человека, пригвоздив ко кресту страсти и похоти, возводя его к состоянию нравственной свободы, тогда является в избранных Божиих это чудное жителство. Подвижники благочестия говорили о том, что в предпоследние времена избранные сосуды Божией благодати пойдут путем смирения, сокровенного делания Иисусовой молитвы и постепенно очистятся от влияния лукавого духа. Умудренные Божией

благодатью, они обретут способность светить миру словом ли, жизнью ли, тайной ли молитвой, зовущей соотечественников к покаянию.

Есть ли в нашем мире подлинные юродивые Христа ради? Как опознать их среди кликуш, психически больных, духовно и нравственно расстроенных людей? Сердце подсказывает нам, что святые сохраняются до скончания века. Правда, обнаружить их крайне сложно. Нет таких инструментов и рецептов, с помощью которых мы могли бы узнать Божиих избранных. Только действием Духа Святого истинным ученикам Господа дано разуметь сердечные тайны ближних. Для душевного, говорит апостол Павел в Первом послании к Коринфянам, представляется безумием явление Духа Господня и силы Его. Однако и сегодня мы, чада Матери-Церкви, должны побеждать князя мира сего, прегордого Денницу, сверженного с небес, низлагать все его козни, обретая нравственную свободу, вместе с древними Христа ради юродивыми – Василием Блаженным, Иоанном Власатым, московским чудотворцем, и другими избранными Божиими. Великое искусство – сохранять свободу души, веру, молитву, покаяние, любовь, выстраивая взаимоотношения

с людьми, не раздражаясь, чтобы мы были неуязвимы от козней лукавого, действующего через наших ближних.

Сегодня как нельзя более актуально звучат слова древнего подвижника, который говорил: «Если хочешь жить в пустыне, то будь самим собой. Пусть один Господь будет свидетелем твоих рыданий, пощений и молений. Но если хочешь пребывать среди людей, *умей с ними шутить*». Какое интересное свидетельство! Уметь шутить с людьми – не значит быть балаганным артистом, «массовиком-затейником». Но это значит сокрывать внутреннее покаяние под всегдашней бодростью, нелицемерной приветливостью, улыбчивостью. Так, чтобы, отдавая каждому должное, сохранять внутреннюю независимость от страстей. Одно из главных аскетических правил – не показывать окружающему нас миру то, чем живет душа. Вот почему каждый истинный ученик Христов, не посягая на подвиг юродства, который превышал бы его силы, должен, подобно вьюну, уметь обходить препятствия, «с душевными говорить по душевному» и открывать свое сердце лишь избранным, единомышленным во Христе братьям.

Юродивые Святой Руси оставляют нам свой негласный завет: «Мы должны жить так, чтобы демоны плакали о нас, а ангелы радовались». Не хорошо жить так, чтобы быть посмешищем дьявола. По завету апостола Павла, нам нужно разуть козны сатаны, счастливо избегать их через подвиг смирения, самоукорения, всецелого упования на волю Божию и непрестанную молитву. Мы, христиане, сыны Света, воистину не от мира сего. Соблюдая благоприличие, умея общаться с людьми, не подражая ветхозаветным книжникам и фарисеям, мы призваны свершать спасение своей души среди шума многомятежного мира. Будешь слишком хорошим, то есть откровенным, назидательным, наивным, простодушным, – тебя просто съедят. Будешь откровенно плохим, дерзким, наглым, порочным, – тебя заклюют. Истинная благодатная мудрость во Христе Иисусе учит нас подлинной кротости, вместе муже-

ству и силе, учит избегать порока, удаляться от впавших в ожесточение, поддерживать малодушных, ободрять слабых. Будем уподобляться солнцу, которое всем светит и всех согревает, однако скрывает свои лучи от мест тенистых, влажных, нечистых и как бы обходит их своим вниманием. Надеемся, что в наше сложное, лукавое время Господь не оставит нас Своей милостью, сохранит избранных Божиих рабов, и их молитвами и каждый из наших читателей соберет по крупицам благодатную соль премудрости разума, крепости и благочестия. Дай Бог, чтобы, подчиняясь старшим, жертвенно служа ближним, мы обрели в себе благодатную силу всегда молиться и всегда истощать себя в любви, служа окружающим нас людям, стяжевая мудрость и посрамляя лукавого. Нам надлежит явиться в конце концов тем золотом, которое, будучи помещено в горнило, было бы очищено от вредных примесей тщеславия, похотей, гнева, сребролюбия. Верим, что на Страшном Божием Суде Господь сопричислит нас к нашим братьям – святым Русской Вселенской Церкви и мы едиными устами и сердцем будем прославлять Христа Спасителя, Который обещает нам Свою Божественную помощь и свидетельствует, что во всякое время и на всяком месте спасение близко и возможно. Только бы оно свершалось в лоне Матери-Церкви в духе благодарения и смирения, чрез посредство всегдашнего покаяния и причащения Святых Животворящих Христовых Таин.

Вы помните, что в притче о мудрых девах говорится о разумных и юродивых. Благодатное юродство сохраняется только в недрах Православной Церкви. Оно сокровенно и невидимо миру. А в западном христианстве, которое, может быть, и не вполне уже заслуживает этого имени, благодатных даров не видно. Мы должны отдать честь наиболее совестливым и просвещенным братьям западного мира за их активное социальное служение милосердия, за их умение поддерживать немощных,

ухаживать за смертельно больными. Но когда речь идет о духовных дарах, о сокровенном пребывании Христа в человеческом сердце, мы с вами наитием, чутьем понимаем православных людей: подлинные Божии дары можно найти только в лоне Вселенской Соборной Апостольской Православной Церкви, которая, по счастью, обретается не в России лишь, но и в Греции, и в Сербии, и в Румынии, и в Болгарии, и на Афоне, и в Австралии, и в Северной и Южной Америке – везде, где сохранена целостность православного мирозерцания, совершается Божественная литургия, исповедуется верность Православному Писанию и Преданию. Поэтому я не исключаю, что и в графстве Люксембург или где-то в Андалузии, или в Новой Зеландии мы найдем неведомых миру блаженных, Христа ради юродивых, которые не трубят о себе, но несут свое служение с терпением, смирением и постоянством. Однако то же самое чутье подсказывает нам, что всего вероятнее именно в России можно найти подлинные явления Духа и силы Божией.

Как нам, русским людям, важно не посрамить упования вселенной и сохранить святоотеческое Православие во всей целостности и полноте, дабы послужить в эти предпоследние времена всеобщему спасению!..

СКРЕПЫ

Кто нашел путь долготерпения и незлобия, тот нашел путь жизни.

*Преподобный
Ефрем Сирин*

Руслан Армеев

Возвращение святого Илии, или о том, что убить память у народа невозможно

Сейчас – взрослым-превзрослым – понимаю, что рос я в своем райгородке (районном то есть) в условиях атеистического террора... Тяжело, ох, тяжело возвращаемся мы сегодня, покалеченные воинствующим безбожием, к традициям и вере предков. Но все-таки возвращаемся!.. И вот новое тому подтверждение: в мой город вернулся... святой Илия.

Движок на местной электростанции часто ломался, приходилось вечерами зажигать керосиновые лампы. Для ламп, само собой, нужен керосин. Это была моя обязанность – взять трехлитровую стеклянную в оплетке бутылку (по-старому – «четверть») и сходить за ним в «керосинку». Так окрестили тут бывшую часовню, приспособленную властями под торговую вонючую точку... В кино мы ходили в... Смоленскую церковь. В бывшую то есть – кресты, купола с нее сбросили, над входом написали «Дом культуры», иконостас выкинули, вместо алтаря и амвона устроили сцену, а перед ней на время киносеанса вешали белый экран. На хорах (как и в трапезной) поставили стулья, и туда, на «галёрку», билет стоил на 10 копеек дешевле... Помню бабушкины сокрушенные рассказы о том, как в пасхальную ночь Крестный ход вокруг единственного оставшегося в городке – кладбищенского – храма проходил под улюлюканье и свист комсомольцев-дружинников...

Если честно, за 70 с лишним лет атеистического террора святого здесь успели забыть – своего, можно сказать, родного, блаженного Илию Даниловского, Христа ради юродивого. А ведь земля местная (ярославское Заволжье) богата подвижниками. Если оглянуться вокруг – удивисься и обрадуешься. Вот всего верст за 50, на реке Обноре, прославился духовными подвигами святой Сильвестр Обнорский, а неподалеку от него – святой Геннадий Любимоградский, на запад – святой Адриан Пошехонский, а южнее – святой Онуфрий Романовский, Христа ради юродивый, там же, по-

близости, «оказалась» родина святого Феодора Ушакова, адмирала флота Российского. А сколько новомучеников – по деревням и весям!.. И только в Данилове – пустота?!.. Но сказано: не стоит село без праведника. Стали искать... Нашли! Вспомнили!

Жил святой блаженный Илия Даниловский, Ярославский, Христа ради юродивый в XVI веке и преставился после 1592 года – так утверждают некоторые исторические источники. В других – время его жизни относится к первой половине века XVII. Подробности – чрезвычайно скудные. Житие святого еще предстоит написать, предварительно собрав сведения о его жизни и духовных подвигах из всех возможных письменных и устных источников. Известно, что подвизался блаженный Илия в даниловском Преображенском мужском монастыре (храмы и строения которого находились некогда на территории нынешней Преображенской площади), где и был погребен после кончины. Над гробницей с его мощами возвели де-

ревянную часовню. После перевода монастыря в 1640 году за пять верст в Троице-Колясниковскую пустынь монахи перезахоронили там и мощи святого. Почтить память св. Илии стекался народ со всей округи. По указу Екатерины II, монастырь был закрыт в 1764 году. Монахи разбрелись кто куда. Судьба святых мощей до сих пор неизвестна.

Интересно, что через сорок лет, в 1806 году на месте обветшавших построек бывшего монастыря в Данилове «тщанием горожан» был возведен каменный пятиглавый Преображенский храм с колокольней, а рядом с ним встала каменная часовня, очевидно, на прежнем месте захоронения святого Илии. Часовню в советское время превратили в керосиновую лавку – ту самую «керосинку», куда я ходил за горючим для ламп, а в 60-х годах, хрущевская безбожная волна снесла ее вместе с храмом.

Бабушка моя, искренне и глубоко верующая, бывавшая каждое воскресенье в церкви и возжигавшая в комнатах перед образами разноцветные лампы, не упоминала о местном святом Илие. И образа такого в доме не было. И на свадьбу своей старшей дочери (моей мамы) подарила она икону не св. Илии, а св. Адриана Пошехонского (нужен же молодой семье заступник!). Был ли когда-либо написан образ святого Илии, пока неизвестно. Но пару лет назад, по благословению благочинного Даниловского округа, местные верующие сделали заказ московским иконописцам на создание такой иконы. Выполнить его оказалось не так-то просто. За эту архисложную задачу взялась Ольга Алексеевна Тарасова, иконописец с многолетним стажем и богатым опытом создания храмовых образов. О высокой квалификации ее свидетельствует благодарственная грамота, полученная в свое время от Патриарха Алексия II.

Прибытие иконы в Данилов, на родину святого, прошлым августом на день Пророка Илии стало настоящим праздником... Икона, написанная яичной темперой на доске из липы, выполнена по церковным канонам в стиле XVII века. Святой изображен босым, во весь рост, с характерным жестом – одна его рука как бы направлена к собственному сердцу, полному Любви, вторая – воздета к Небесам, ко Господу, взирающему на нас. Святой стоит на фоне стилизованного даниловского пейзажа, в котором угадываются и бывшие Преображенские храм с часовней, и другие городские детали. Церковно-славянской вязью прописано его имя.

Народ даниловский заново учит это имя. Почему-то многие вспоминают знаменитый собор Василия Блаженного (он же – Покровский) на Красной площади в Москве. «Блаженный Василий Московский» – полное имя святого с Красной площади. А у нас, значит, «блаженный Илия Даниловский». Слово *блаженный* заимствовано из старославянского языка и происходит от глагола *блажити*, что означает *почитать, хвалить*. То есть *блаженный* это – *почитаемый*. Было время, когда на Руси блаженными называли местночтимых святых. Заметим еще, что в Древней Руси наименование *блаженный* прилагалось к *святым Христу ради юродивым*.

О *юродивых* надо бы поговорить подробнее. «Советский энциклопедический словарь» (СЭС) определял их как «психически неполноценные лица, которых в прошлом часть верующих считала «ясновидцами» и «прорицателями» (конец цитаты)... Сегодня мы можем посмеяться над узколобостью того словаря – всё совсем не так просто! Известный знаток русской религиозности Георгий Федотов (классическая его работа – «Святые Древней Руси») писал, что «необычное обилие «Христа ради юродивых», или «блаженных» в святцах русской церкви и высокое народ-

Крестный ход в День города на Преображение Господне – теперь всегда с участием святого блаженного Илии

Фото Валентины Берёзкиной

ное почитание юродства... придает этой форме христианского подвижничества национальный русский характер. Юродивый так же необходим для русской церкви, как секуляризованное (то есть – мирское – *Р.А.*) его отражение Иван-дурак – для русской сказки. Иван-дурак, несомненно, отражает влияние святого юродивого, как Иван-царевич – «святого князя». Федотов называет русское юродство «парадоксальным подвигом». И вот почему. Юродство зачастую есть притворное безумие или безнравственность с целью поношения от людей, поправки тщеславия. Юродство выявляет «противоречия между глубокой христианской правдой и поверхностным здравым смыслом и моральным законом с целью посмеяния миру». Юродивый служит миру «в своеобразной проповеди, которая совершается не словом и не делом, а силой Духа, духовной властью личности, нередко облеченной пророчеством».

Возродить память о святом блаженном Илии Даниловском, Христа ради юродивом, – мысль чрезвычайно благодатная. И почему, действительно, не начать это возрождение с создания образа св. Илии?.. Теперь

такой образ у нас есть, он освящен, он занял свое место в Божием храме рядом с образами других святых угодников Божиих. «Святой Илия» уже участвовал в массовом Крестном ходе в день Преображения Господня. Уже заказаны в церковных мастерских небольшие копии иконы – чтобы появились в домах у всех желающих, чтобы знали мы и помнили: пред Небесным Престолом есть у нас свой, даниловский, молитвенник и заступник. А на наивные вопросы, которые задаются теперь священникам, – о чем, мол, можно молиться святому Илие, чем поможет он нам, ответ в церкви один: просите, молитесь, и «по вере вашей да будет вам» (Мф 9:29).

...Пройдет время, и новоявленная икона станет намоленной. Пройдет время, и появится житие святого Илии Даниловского. Пройдет время, и – даст Господь – будут обретены его святые мощи, которые пока надежно хранит земля даниловская... А как же иначе? – к людям возвращается память.

г. Данилов,
Ярославская область

Свободу в человеке убивает грех

– Не ограничивают ли существующие в Православии запреты свободу воли человека, дарованную ему Богом?

– Свобода воли – это бесценный дар, которым Бог удостоил человека. Это настолько непреложно, что Сам Господь не насилует волю человека, но ждет его свободного благого произволения. Даже в чине монашеского пострига старец трижды прилюдно спрашивает постриженника: «Своей ли волей пришел еси, брате, припадая к святому жертвеннику сему?». Именно поэтому всякое насилие над человеком, во имя каких бы благородных целей оно ни совершалось, есть действие демонское: именно демоны пытаются извратить и сломать свободную человеческую волю, действуя обманом, угрозой и принуждением.

Иное дело, что человеческая воля, как принадлежащая падшей природе, искажена грехом. Святые Отцы, например, преподобный Максим Исповедник, считали, что корень греха вообще заключен в извращенном произволении. Вслед за апостолом Павлом мы можем констатировать и горестно восклицать: «...не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не

Стихи, художественная проза, философские эссе религиозного содержания... Все это – органичные составляющие творчества Олеси Николаевны, нашей сегодняшней гостьи и собеседницы. Поэзией она стала заниматься с семи лет, прозой – с пятнадцати, первые публикации появились в шестнадцать. Она – член Союза писателей и член Русского Пен-Центра. Лауреат Пушкинской премии (1998), премии имени Бориса Пастернака (2002), Российской национальной премии «Поэт» (2006), отмечена другими знаками признания. Ее произведения переведены на многие языки мира.

Олеся Александровна согласилась принять участие в обсуждении Темы номера «Лампады».

хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу: уже не я делаю то, но живущий во мне грех» (Рим. 7: 15,19-20). В этом – вся драма и человеческой раздвоенности, и свободы: человек болен, человек невротичен, он – хронический пациент, нуждающийся в лечении и спасении. И если вернуться к самой сути вопроса, то можно утверждать, что Православие ничем не ограничивает свободу воли человека, в то время как запреты (заповеди), начинающиеся с «Возлюби...» и с отрицания «не», носят терапевтический характер: ты можешь им и не подчиниться, однако это не принесет тебе ни радости, ни любви, ни чувства свободы, ни успеха в земной жизни, но болезнь твоя станет еще невыносимей.

– Что первично в «институте запретов» – научить человека смирению или действительно охранить его от пагубных поступков? В первом случае их (запретов) могло бы быть и меньше; во втором, напротив, этот список следовало бы продлить. Так?

– Главное в «институте запретов» – это слова Христа о любви: «Если любите Меня, заповеди Мои соблюдете». Там, где есть любовь, уже не до выбора. Если девушка выбирает между женихами, это значит, что она никого из них не любит. Если жених выбирает, жениться ли ему на своей невесте или еще погулять, это значит, что эта невеста ему не нужна. Поэтому соблюдение христианских заповедей – это не хождение по огражденной территории, где повсюду развешаны запретительные надписи «вход воспрещен», а это жизнь в любви со своим Возлюбленным, Которого больно и страшно огорчить и оттолкнуть от себя, – страшно, как бы Он от тебя не отвернулся, не лишил Своего Присутствия, не оставил тебя одну или одного. Такая нерассуждающая

любовь в отношении заповедей, мне кажется, превыше всех умозрительных рассуждений: «Это нельзя потому-то и потому-то, а это нельзя для того-то и для того-то...». Просто заповеди нам дал наш Господь, вот поэтому, просто по любви к Нему, потому что Он того хочет и ждет от нас, мы и соблюдаем Его Слово. Ведь и путь смирения лежит также исключительно через любовь. А вне любви вырождается в рабскую покорность или в то, что называется унижением паче гордости, а кончается, как правило, надрывом, истерией и трагедией. Обращаясь к реальности, я могу свидетельствовать, что многие неопиты порой именно такое безоговорочное и слепое автоматическое послушание принимают за путь к смирению, упуская при этом главное – упование, веру и любовь. Но ведь и рабы, и слуги в арабском мире, и урки под паханом безоговорочно выполняют любые прихоти и приказания своих господ, а от этого они не становятся «смирненными сердцем»...

– Все ли запреты в Православии равновелики по своему значению? Есть ли между ними какая-то иерархия, и где критерий?

– Есть заповеди Христовы – это и 10 Моисеевых заповедей, и Заповеди Блаженства; а есть установления церковные, например, о постах, о правилах причащения; а есть предписания и благословения духовников, которые имеют дело с конкретными случаями. Очень редко, но все же бывает так, что священник – по молодости или неопытности – может ошибаться и своими советами противоречить Евангельским словам. Я с прискорбием вспоминаю случай, как молодой священник в гневе изгнал из храма женщину, которая при-

шла к нему со слезами каяться в грехе блуда: «Чтоб я тебя больше здесь не видел с твоими мерзостями!» Это, конечно, вопиющий случай. Но есть запреты, которые, например, касаются постов, которые могут быть для частного случая отменены: например, я знаю, как священник не только разрешил язвеннику пить молоко Великим постом, но и обязал его это делать. Вспоминается и Святитель Спиридон, который, чтобы утолить голод нищего путника, разделил с ним мясную трапезу также во дни Великого поста. Подобная история была и с Пименом Великим. Так что «все мне позволительно, но не все полезно» (1 Кор. 6:12). С другой стороны, были и такие мученики в Православии, которые пострадали как раз за то, что соблюдали пост в языческом государстве и ни за что не захотели его нарушить – например, святые мученики Антоний, Иоанн, Евстафий.

– В миру постоянно меняется представление о том «что такое хорошо и что такое плохо». А как быть с запретами в Православии? Не случится ли, что разрыв между религиозными нормами и нормами светской этики станет попросту непреодолимым? Иными словами, допустима ли применительно к православным запретам «поправка на время»?

– Сам Господь сказал: «небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (Мф. 24:35). Поэтому мир менялся, меняется и будет меняться, а Христос всегда и ныне и присно тот же. И как этика языческого идолопоклонского мира расходилась с этикой христианской, так и теперь они уходят по разным дорогам. Это, кстати, предусмотрено в «Основах социальной концепции», принятой Русской Православной Церковью. Там сказано, что если мир или государство начнет принуждать христиан ко греху, они вправе оказать гражданское неповиновение. Собственно, как и было при императорах-язычниках, когда христиане отказывались поклоняться идолам и воздавать императору почести как божеству. Так что в этом смысле никакой «поправки на время» быть не может.

– Либеральная модель мироустройства все настойчивее заявляет о себе как идеально отвечающая идее человеческой свободы. Нет ли

здесь стремления как раз поработить человека греху?

– В либеральной модели само понятие человека отличается от христианского. Либеральный человек – это индивидуум. А всякий индивидуум как частное выражение общей природы стремится из этой природы выделиться. Поэтому индивидуум осуществляет себя в отталкивании от других индивидуумов. Отсюда – вся психология западного человека, сугубая ценность его частной жизни, его «privacy» в социуме, напоминающем атомарный мир. Здесь имеется в виду человек, взятый в его природной данности, наделенный инстинктами, фобиями и маниями, которые являются его личным делом и достоянием и на которые он имеет право.

В христианстве с человеком отождествляется нечто иное – это, прежде всего, – богоподобная личность. Но личность здесь как раз то, что не есть природа, что возвышается над природой, преображает ее и стремится к своему обожению. Именно поэтому личность осуществляет себя не в отталкивании от других личностей, как это происходит с индивидуумами, а в возвышении над собой, в выстраивании себя по образу и подобию Божьему. Личность борется с темными инстинктами, с наитиями подсознания, с расколотостью воли и формирует падшую природу, господствует над импульсами, собирает их воедино и овладевает своей свободной волей.

Именно здесь происходит расхождение двух моделей человека. Природный человек либерального мира – это для христианского миропонимания есть человек, сознательно отдавший во власть падшей природы, вслушивающийся в невнятные позывы гормонов, всматривающийся в сумерки сновидений, отдающийся во власть астрологических тел, то есть раб страстей, стихий мира, «раб греха». Теоретически этот человек есть как раз тот «ветхий и плотяной», с кем христианин борется в себе самом, кто мешает его подлинной богоданной свободе.

– **Считаете ли Вы, как человек, исповедующий Православие, себя подлинно свободной? Это умозрительное представление или ощущение?**

– В грешном человеке все непрестанно меняется – ощущения, настроение... Но в человеке верующем иногда возникает это чувство безграничного доверия к Богу, к тому, что все происходящее – не только не случайно, но глубоко осмысленно, взвешено, исчислено, все волосы сочтены и ни одна малая птица не забыта своим Творцом. Это чувство, что «ничто не отлучит меня от любви Христовой» и где бы я ни был, что бы со мной ни случилось, это все происходит по воле Божьей, по Его любви и смотрению и Господь повсюду со мной. И тут – ощущение полной свободы от всего земного, переходящего, от всех обстоятельств, вещей, людей... Это – глубокое внутреннее познание Истины, Которая есть Христос. А ведь Он Сам сказал: «и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32). Так и есть.

Но – увы! – потом это сменяется малодушием, сомнением, страхом... Петр начинает тонуть в бурных волнах, как только, маловверный, предается сомнению... Так что грех убивает в человеке его свободу. И как страшитесь, как трепещет современный западный благополучный человек, что вот – валютный курс упадет, и он лишится своего привычного комфорта, статуса, работы; он весь внутренне сжимается, сидит на антидепрессантах и тратит огромные деньги на психоаналитика, который растолковывает ему его бессвязные сны и «впаривает» какую-то ерунду про вытесненные в пятилетнем возрасте инцестуозные влечения к собственной матери.

СКРЕПЫ

*От креста нам не уйти.
Но есть во спасение,
который несут с помощью
Господа и по Его
благословиению, а есть
самодельный, под которым
человек часто падает,
ибо нет ему помощи
свыше, и этот крест
не утешает человека
надеждой на спасение.*

*Архимандрит
Иоанн (Крестьянкин)*

Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><i>Виктор Александрович Саулкин, 53 года, иконотисец, художник, обозреватель радио «Радонеж»</i></p>	<p><i>Елена, 23 года, работник сферы снабжения</i></p>	<p><i>Раб Божий Георгий, 65 лет, пенсионер</i></p>
			
<p>Согласны ли Вы, что без запретов не может быть свободы?</p>	<p>Конечно, согласен. Без запрета на грех получается не свобода, а рабство греху.</p>	<p>Я считаю, что да, должны быть запреты.</p>	<p>Конечно, да.</p>
<p>Запреты, существующие в Православии, благо или помеха?</p>	<p>Конечно, благо. В Православии все запреты ведут к здоровью души и духовной жизни.</p>	<p>Конечно, благо.</p>	<p>Конечно, благо.</p>
<p>Почему Вы нарушаете очевидные запреты?</p>	<p>Чаще всего по малодушию. Потом каюсь.</p>	<p>Потому что таков уклад жизни людей. Общество не дает нам соблюдать все запреты, приходится их периодически нарушать.</p>	<p>Да, потому как я немощен. Безгрешен только Господь, а мы, грешные, грешим и пытаемся исправиться.</p>
<p>Когда Вы чаще нарушаете запреты – на людях или наедине с собой?</p>	<p>По-разному – иногда на людях, иногда наедине с собой.</p>	<p>По-всякому бывает – и на людях, и наедине с собой.</p>	<p>Надо жить во Христе. Каждую минуту – и на людях, и наедине, и в мыслях, и в делах, и в словах.</p>
<p>Какой из запретов Вам труднее соблюсти – серьезный или менее значительный?</p>	<p>Конечно, менее значительный. Всегда себе какую-то поблажку делаешь: Господь милостив – покаюсь, простит.</p>	<p>Я думаю, менее значительный.</p>	<p>Нет у меня воли для исправления хотя бы малого моего греха! Пытаюсь, стараюсь и опять каюсь.</p>
<p>Должны ли меняться представления о запретах с поправкой на время?</p>	<p>Нет, не должны.</p>	<p>Должны меняться.</p>	<p>Я думаю, как заповедали нам древние святые отцы – так и надо держаться.</p>

<i>Маргарита, 65 лет, пенсионерка</i>	<i>Юрий Раков, 21 год, программист</i>	<i>Светлана Георгиевна Семёнова, 44 года, домохозяйка</i>	<i>Елена Черникова, 35 лет, музыкант, певица, художник</i>
			
Да, согласна.	Да, согласен.	Согласна.	У апостола Павла: человеку все позволено, но не все полезно. Значит, без запретов не обойтись.
Благо.	Как можно обсуждать правила, которые есть в Православии?! Иначе какие мы православные?	Я думаю, что благо.	Скорее, благо, потому что веками наработано: что человеку полезно для души, то и пойдет ему во благо.
По греховности своей.	Такова природа человека – он не совершенен и нарушает запреты.	Потому что мы все грешные.	Когда чего-то нужно достичь – бывает, приходится нарушать.
Наедине с собой.	И на людях, и наедине с собой.	И на людях, и наедине с собой.	Чаще бывает наедине с собой, нарушать на людях как-то не очень хочется. Если только большая нужда...
Менее значительные.	Думаю, менее значительный легче соблюсти.	Менее значительный труднее соблюсти.	Труднее соблюсти какой-то маленький запрет.
Нет.	Нет, не должны.	Нет.	Думаю, что да, но в чем-то главном – нет. Заповеди – это вечные вещи.

Плюс-минус ноль

На службе в храме: родители и дети

Фото Евгения Борисова

Высокого роста, с приятной внешностью и хорошей статью, подобающе одетый, он исправно присутствует на каждой воскресной службе. Во всяком случае, бывая в храме по воскресеньям, вижу его там всегда. Правда, привлек он мое внимание не собой, это я позже рассмотрел его внимательно. При нем был сынишка, малец годиков четырех-пяти...

Первые минут двадцать тот вел себя спокойно, даже истово крестился, подражая окружающим. А потом, понятно, заскучал. Начал громко разговаривать, бегать по храму, топтать. Отец пытался его урезонить – не помогало. Взял на руки. Малыш затих, но только на несколько минут. И начал изворачиваться, всячески изгибаться, хныкать. Словом, повел себя, как любой очень подвижный ребенок, которого вдруг стреножили да еще заставляют молчать.

Насчет «оченьподвижности» я, пожалуй, не прав. Любой нормальный ребенок, если он здоров, должен быть и резвунем, и непоседой, и шалуном. Даже самое идеальное дитя просто в

силу возраста не может оставаться спокойным в течение хотя бы получаса. Где, как себя вести – это вопрос другой, но адресован он должен быть не ребенку. Его родителям. Потому что это они должны обучить свое чадо искусству поведения. Дома. На улице. В церкви. В церкви – в особенности. Почему? Да потому, что нет на земле другого места, где человек встречается с Богом.

Когда хор запел Херувимскую, я понял, что должен изменить правило, которого стараюсь придерживаться, – не соваться с советами, когда не просят.

– Простите, – обратился я к отцу, – неужели вы не видите, что мешаете людям молиться?

– А что я могу сделать? – услышалось раздраженное в ответ.

– Хотя бы выйдите на паперть. С таким малышом вообще лучше приходить к выносу Чаши. Он ведь устает.

– Меня батюшка благословил ходить на службу! – как отрезал.

Не разводить же дискуссию, тем более во время службы. Все вокруг и так достаточно взвинчены.

Слава Богу, все, кто хотел, причастились. Малолетний возмутитель спокойствия, понятно, тоже. Я подумал, что ситуация вокруг и наш короткий разговор как-то подействуют, но в следующее воскресенье все повторилось. И через два воскресенья тоже. А последний раз он пришел с двумя детьми – уже знакомый шустряк и совсем кроха на его крепких руках.

Малышка, надо сказать, вела себя довольно спокойно, лишь иногда по-

хныкивала. И всякий раз, когда отец что-то нежно шептал ей, затихала. Зато наш «вождь краснокожих»... И свечи гнул, и башмаками стучал, и ручку у аналоя пытался оторвать, и во весь голос выражал свои бурные чувства... Никакие уговоры отца не помогали. Выведенный из терпения, раздраженный нервной обстановкой вокруг, он, бедняга, сорвался и отшлепал упорного ослушника. Спокойствие наступило, лишь когда матушка-свечница, оставив свой подсвечник, занялась мальцом. Правда, к тому времени и служба уже подошла к концу.

Разумеется, родитель поступил со своим чадом нехорошо. Хотя даже апостол Павел говорит: «есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец?» (Евр. 12, 7). Просто выбрал наш отец не то место, не то время и не тот повод для воспитания. Что сохранится в маленьком сердечке после подобных посещений храма? Что сбережет память малыша для будущей, взрослой жизни? Ощущение маяты, безнадежной скуки и горячее желание, чтобы вся эта томительная непонятность поскорее кончилась. И еще чувство обиды и страх наказания сохранит.

Как быть? Достаточно обратиться к советам священников, старцев, сегодня нет недостатка в подобной литературе. Нужно приходить с маленькими детьми, когда уже поют Отче наш, то есть за несколько минут до выноса Чаши. Если все же случилось прийти к началу литургии, лучше стать с малышом

не перед амвоном, а ближе к выходу, там, где поменьше людей. К тому же, если малышу совсем будет неважно, можно выйти во двор, прогулять его на свежем воздухе. Так что никакой бабюшка не мог благословить заставляя ребенка выстаивать непременно всю службу, тут наш чадолюбивый папаша явно лукавил. Нужно помнить: у маленького человечка нет еще тех сил, выносливости и терпения, как у взрослого. Да разве у всякого взрослого этих качеств вдоволь?!

Как часто приходится наблюдать в храме во время службы: мамаша, отец – реже, то и дело одергивает свое чадо, выправляет ему спину, шикает, едва тот приоткроет рот... Причем, делает это с раздражением, резко, а порой и грубо. Нет сомнения, родитель желает добра своему ребенку и убежден, что, поступая так, он, пусть силой, пусть против воли, но приводит его к Благодати. И как же заблуждается тот родитель!..

В Евангелии от Матфея (19, 14) Христос, обращаясь к ученикам Своим, говорит о детях: *...не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное.* Эти хорошо известные слова, убежден, напомнят мне возможные оппоненты. Позволю предварить возражение. Обратите внимание: Спаситель говорит *приходить*, но не *приводить*. То есть речь не о принуждении, а о свободном выражении воли самим ребенком. К тому же, и об этом тоже стоит помнить, *приходить* не надо понимать только буквально, как физическое действие. Это еще *приходить* сердцем и душой. Если ребенок пока не готов к такому шагу, не понуждайте его.

Хочется предварить таких родителей от еще одного заблуждения. Не всякое посещение храма равно благодатно. Наш сюжет – как раз из этого ряда. Ведь что произошло? Немалое число людей оказалось буквально выбито из молитвенного состояния – кто-то занимался ребенком, кто-то осуждающе поглядывал на отца, кто-то делился негодованием с соседом. Какая уж тут молитва! Извелся и сам отец, что, конечно же, понятно и неизбежно. О малыше вовсе речи нет. Что же, как говорится, в сухом остатке? Ноль.

Фото Юрия Роста

Что было определяющим в поведении отца? Упрямство? Эгоизм? Непонимание? Думается, и то, и другое, и третье. Просьбы – игнорировал. Держал себя так, словно был в храме один. Есть такой вид эгоизма, я назвал бы его *церковным*, когда прихожанин ведет себя, словно совершает подвиг и чуть ли не одолжение делает Господу, приходя в храм. Он прикладывается к иконам тогда, когда считает нужным, а не когда позволяет служебный устав, ставит свечи, бесцеремонно проталкиваясь через прихожан, не обращая внимания на то, что люди погружены в молитву, опускается на колени, даже если в храме очень тесно и люди стоят впритык друг к другу. Как же! Он пришел выразить свою любовь к Богу, и пусть это знают все и не смеют ему мешать. Ему невдомек, что любовь к Богу это и есть, прежде всего, любовь к людям. А невдомек потому, что он этого просто не понимает.

Да, Евангелие от Марка (12, 30) назидает: *... возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, – вот первая заповедь. Но следом же: Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет.* Вот о чем не следует забывать.

СКРЕПЫ

В зависимости от того, как человек живет, складываются и внешние обстоятельства его жизни.

Архимандрит
Софроний (Сахаров)

Дмитрий Шеваров

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушал и эту нежность...

А.С. Пушкин.
Евгений Онегин

Внушение нежности

Фото Ирины Скин и Анатолия Фирсова

Эти пушкинские строки точнее любых критических статей говорят о главном в прозе Юрия Казакова. Все его рассказы – *внушение нежности*, напоминание о хрупкости бытия и тихое прошение. Но не к властям, а к Богу.

Когда читаешь Юрия Казакова, то не только глазами по строчкам бежишь, но и слушаешь, как слушают попутчика в поезде: то помалкиваешь, то поддакиваешь или плечами пожимаешь. Каждое слово, попадая к Казакову, получает такую устремленность к читателю, к собеседнику, что нельзя не отозваться, не аукнуться на голос писателя.

В «Свечечке» автор и его маленький сынишка Алёша выходят из дома в кромешную темноту двора и идут к роднику, к речке Яснушке. «Я оглянулся: сквозь голые деревья только один наш дом светил окнами в непроглядной тьме...».

То, как Юрий Казаков описывает возвращение домой, к освещённым окнам! – пронзительно до озноба, до того, что самому хочется бежать куда-то по бесснежной темной земле, только бы к свету, к людям. Трудно найти в русской литературе другой рассказ, где слово бы так ощутимо рассеивало тьму.

В конце своей недолгой жизни, отвечая на вопрос, когда, в какой момент он почувствовал себя писателем, Юрий Казаков не называет дат. Он говорит: «В жизни каждого человека есть момент, когда он всерьёз *начинает быть*». И, чуть помедлив, добавляет: «У меня это случилось на берегу Белого моря...».

Сколько романтиков Казаков позвал на Север! А они не догадывались, что свои первые северные рассказы Казаков писал по воспоминаниям о поездках к только что освобожденному из лагеря отцу.

Юрий Павлович Казаков родился в Москве 8 августа 1927 года. И мать и отец – родом со Смоленщины. Павел Гаврилович – слесарь. Устинья Андреевна – работница завода имени Бадаева, потом санитарка в больнице. С 1942 года – на инвалидности по зрению.

Отца арестовали, когда Юре было всего шесть лет. Вернулся Павел Гаврилович в Москву после лагерей и ссылки только в середине 1950-х.

В 1941-м тринадцатилетний мальчишка помогал взрослым тушить зажигалки на крыше своего дома. В одну

из ночей бомба упала совсем неподалеку – на здание Вахтанговского театра. Юра был контужен взрывной волной и с тех пор заикался.

И после войны семья жила очень бедно. Устинья Андреевна ездила в Подмоскowie менять спички и дрожжи на продукты. Юра подрабатывал, где только можно.

Окончил Гнесинское училище по классу контрабаса. Это инструмент внушительный, способный звучать и с библейской мощью, и с глубокой нежностью. Казаков с годами и сам стал напоминать контрабас и мощной своей фигурой, и музыкальным диапазоном своей прозы.

В 1953 году поступил в Литературный институт. На втором курсе решил отнести свои опыты в редакцию «Советского спорта». Эти первые рассказы были о свирепых нравах американского спорта.

Мечтал о путешествиях. Копил деньги на охотничье ружье. Влюблялся в тоненьких московских девушек.

И вот этот студент, очкарик, с головой увлеченный джазом, вдруг пишет рассказы «Тихое утро», «На полустанке» (1954 г.). Через год появляется «Ночь», потом – «Некрасивая» и «На

охоте» (1956 г.). С этих рассказов пошла в рост деревенская проза, вскоре ставшая самым мощным явлением в русской литературе XX века.

Но в эту же пору Казаков пишет «Голубое и зеленое» – дивный рассказ о первой любви. И там никакой деревни, там московский мальчик и московская девочка, и столица, увиденная их глазами, – с жёлтыми фонарями, Большим театром, липами, цветущими на Тверском бульваре, и уютными вечерними окнами – белыми и розовыми, голубыми и зелёными. Москва, которой нам уже никогда не увидеть. «Музыки больше не слышно оттуда...».

Этот рассказ – как распахнутое в мае окно. С ним обрела свой язык, свою интонационную свободу лирическая городская проза.

Но пока читатели передают из рук в руки «Голубое и зелёное», Казаков пишет «Никишкины тайны» и «Маньку» – и это опять другой, новый Казаков. Тут поморы, карбасы, льдины, холодное Белое море, а за морем – Соловки.

5 февраля 1958 года Константин Георгиевич Паустовский потрясенно пишет своему недавнему студенту Юрию Казакову: «Я не могу без слез читать Ваши рассказы. И не по стариковской слезливости (ее у меня нет совершенно), а потому, что счастлив за наш народ, за нашу литературу, за то, что есть люди, способные сохранить и умножить всё то, что досталось нам от предков наших – от Пушкина до Бунина. Велик Бог земли Русской!».

У всех, кто открывал для себя Казакова в конце 1950-х, потрясение смешивалось с недоумением: и откуда он взялся? Как этот парень посмел не заметить соцреализма? Почему он пишет так, будто на свете есть только Пушкин, Тургенев, Чехов, Бунин?..

В начале шестидесятых книги Бунина вернулись в СССР и тут же критики решили, что корни Казакова именно там, у Ивана Алексеевича. На молодого писателя посыпались упреки в эпитонстве. Казаков не отрекался от своей любви к Бунину, но пытался объяснить, что свои первые рассказы о деревне написал, когда ни строчки Бунина ещё не читал и даже фамилии классика ни от кого не слышал.

В Казакове сплелись и срослись те разорванные ткани русской жизни и

русской литературы, которые считались несовместимыми и сами яростно отстаивали эту несовместимость. Деревня и город. Белые и красные. Советские романтики и православные стоики. Физики и лирики...

Вдова писателя Тамара Михайловна так вспоминает одну из встреч Юрия Павловича с читателями. В мае 1967 года его пригласили сотрудники Физического института Академии наук. Зал был полон, многие стояли вдоль стен, присутствовали нобелевские лауреаты академики Прохоров и Басов. Ему был задан такой вопрос: «У физиков есть критерий истины: если теория подтверждается экспериментом, значит, она верна. А каким критерием руководствуетесь вы в своей работе?» Юрий Павлович страшно волновался, но тут ответил уверенно и спокойно: «Если я знаю, что могу предстать перед Господом и сказать: «Господи, это я написал...» – значит, написано хорошо». Сразу раздались аплодисменты, сначала аплодировали сидя, потом весь зал встал. Все радостно переглядывались, будто услышали что-то долгожданное...».

* * *

Юрий Павлович Казаков умер поздней осенью 1982 года. Последние свои рассказы он опубликовал в середине 1970-х годов, когда до трагического разлома большой страны было еще далеко. Тем поразительнее слышать в каждой казаковской строчке нашу теперешнюю боль и тревогу, нашу растерянность и отчаяние, наше упование и наши слезы. «Время нынче очень уж серьезное, и надо бы нам всем, хоть напоследок, нравственно обняться...»

Душа художника – сейсмограф. Такое чувство, что Казаков пишет о благополучных 1970-х, оглядываясь туда вместе с нами: «Ну, а тогда все мы были живы, и, как я сказал уже, стоял в зените долгий-долгий день...». И твое сердце тут же благодарно откликается, ведь в этих долгих-долгих днях, где все живы, осталось твое детство, и там всегда лето.

А свет нынешнего дня так скуден, так зыбок, и что будет завтра – одному Богу известно, а потому *нравствен-*

но обняться – это не то, что было в 1970-х, это не разговоры на кухне о прекрасном. Сегодня это – *память смертная*. Это молитва друг за друга людей, прижатых к краю обрыва. Невверное движение одного – и все погибнут.

14 ноября 2007 года в Абрамцеве сожгли деревянный дом Юрия Павловича. Последнее земное пристанище писателя, четверть века сберегавшееся Тамарой Михайловной и Алёшей Казаковыми в надежде, что когда-нибудь государство поможет устроить здесь музей, – оно сгорело в одночасье – быстрее, чем восковая свеча.

Сгорел дом, который Казаков считал живым существом. Так он о нем писал и в письмах, и в своих последних рассказах – как о близком человеке. В дом к Юрию Павловичу приходили и приезжали поэты, странники, философы, ученые, старцы из недалёкой Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Сюда стремились приехать друзья и читатели Казакова – только чтобы постоять на крыльце, подышать воздухом этого места.

А тех, кто никогда не был в Абрамцеве, таинственно согревала мысль, что где-то на радонежской святой земле стоит этот дощатый милый дом. Кстати, все четверть века, прошедшие с ухода Юрия Павловича, он никогда не пустовал. Тут всегда находили уют писатели, художники, реставраторы, просто добрые и небогатые люди, у которых не было ни дач, ни возможности поехать на море.

Десять лет назад и я гостил в Абрамцеве у Тамары Михайловны. В городе асфальт плавился от июльской жары, а в старом доме у елового леса стены хранили спасительную тень. Радостно было просто бродить по уютным комнатам, подниматься на чердак, скрипеть прохладными половицами, благоговейно касаться сутулого шкафа, кресла с гнутыми подлокотниками, потускневшей глади письменного стола – того самого, за которым работал Юрий Павлович.

В старом серванте тускло мерцали чашки и среди них та самая, из «Свечечки»: «...И в буфете звякнет любимая тобой прежде чашка, и часы особенно звонко пробьют счастливый миг...».

Юрий Казаков

СВЕЧЕЧКА

Такая тоска забрала меня вдруг в тот вечер, что не знал я, куда и деваться – хоть вешайся!

Мы были с тобой одни в нашем большом, светлом и теплом доме. А за окнами давно уже стояла ноябрьская тьма, часто порывами налетал ветер, и тогда лес вокруг дома начинал шуметь печальным голым шумом.

Я вышел на крыльцо поглядеть, нет ли дождя...

Дождя не было.

Тогда мы с тобой оделись потеплее и пошли гулять.

Но сначала я хочу сказать тебе о твоей страсти. А страсть тогда была у тебя одна: автомашины! Ты ни о чем не мог думать в те дни, кроме как об автомашинах. Было их у тебя дюжины две – от самого большого деревянного самосвала, в который ты любил садиться, подобрал ноги, и я возил тебя в нем по комнатам, – до крошечной пластмассовой машинки, величиной со спичечный коробок. Ты и спать ложился с машиной и долго катал ее по одеялу и подушке, пока не засыпал...

Так вот, когда вошли мы в аспидную черноту ноябрьского вечера, ты, конечно, крепко держал в руке маленький пластмассовый автомобильчик.

Медленно, еле угадывая во тьме дорожку, пошли мы к воротам. Кусты с обеих сторон, сильно наклонившиеся под тяжестью недавнего снега, который потом растаял, касались наших лиц и рук, и прикосновения эти напоминали уже навсегда невозвратное для нас с тобой время, когда они цвели и были мокры по утрам от росы.

Поравнявшись с другим нашим домом, в котором был гараж, ты вдруг побежал к гаражу и взялся за замок.

– Хочешь кататься на настоящей машине! – сказал ты.

– Что ты, милый! – возразил я. – Теперь поздно, скоро спать... А потом куда же мы поедем?

– Поедем... поедем..., – ты запнулся, перебирая в уме места, куда бы мы могли поехать. – В Москву!

– Ну – в Москву! – сказал я. – Зачем нам Москва? Там шумно, сыро, а потом это ведь так далеко!

– Хочешь далеко! – упрямо возразил ты.

– Ладно, – согласился я, – поедем, но только через три дня. Зато я тебе обещаю: завтра мы поедем с тобой в магазин, а теперь ведь мы вышли просто погулять? Давай руку...

Ты покорно вздохнул и вложил в мою руку свою маленькую теплую ладошку.

Выйдя за ворота и подумавши несколько, пошли мы с тобой направо. Ты шел впереди, весь сосредоточась на своем автомобильчике, и по твоим движениям, смутно различимым в темноте, я догадывался, что ты его катаешь по одному, то по другому рукаву. Иногда, не выдержав, ты присаживался на корточки и катал свой автомобильчик уже по дороге.

Куда, в какие прекрасные края ехал ты в своем воображении? Я останавливался в ожидании, пока далекая твоя, неведомая мне дорога кончится, когда приедешь ты куда-нибудь и мы пойдем с тобой дальше.

– Слушай, любишь ты позднюю осень? – спросил я у тебя.

– Любишь! – машинально отвечал ты.

– А я не люблю! – сказал я. – Ах, как не люблю я этой темноты, этих ранних сумерек, поздних рассветов и серых дней! Все увядоша, яко трава, вся потребишася... Понимаешь ты, о чем я говорю?

– Понимаешь! – тотчас откликнулся ты.

– Эх, малыш, ничего-то ты не понимаешь... Давно ли было лето, давно ли всю ночь зеленовато горела заря, а солнце вставало чуть не в три часа утра? И лето, казалось, будет длиться вечность, а оно все убывало, убывало... Оно прошло, как мгновенье, как один удар сердца. Впрочем, мгновенным оно было только для меня. Ведь чем ты старше, тем короче дни и страшнее тьма. А для тебя, может быть, это лето было как целая жизнь?

Но и ранняя осень хорошо: тихо светит солнце, по утрам туманы, стекла в доме запотевают – а как горели клены возле нашего дома, какие громадные багряные листья собирали мы с тобой!

А теперь вот и земля черна, и все умерло, и свет ушел, и как же хочется взмолиться: не уходи от меня, ибо горе близко и помочи мне некому! Понимаешь!

Ты молчал, мчась куда-то на своей машине, удаляясь от меня, как звезда. Ты так далеко уехал, что когда нам пришлось свернуть с тобой вбок по дороге и я свернул, но ты не свернул. Я догнал тебя, взял за плечо, повернул, и ты послушно пошел за мной: тебе все равно было, куда идти, ведь ты не шел, ты ехал!

– Впрочем, – продолжал я, – не обращая внимания, это мне просто тоскливо бывает такими ночами. А на самом деле, малыш, все на земле прекрасно – и ноябрь тоже! Ноябрь – как человек, который спит. Что ж, что темно, холодно и мертво – это просто кажется, а на самом деле все живет.

Вот когда-нибудь ты узнаешь, как прекрасно идти под дождем, в сапогах, поздней осенью, как тогда пахнет, и какие мокрые стволы у деревьев, и как хлопотливо перелетают по кустам птицы, оставшиеся у нас зимовать. Погоди, сделаем мы кормушку у тебя под окном, и станут к тебе прилетать разные синички, поползни, дятлы...

– Ну, а то, что деревья сегодня кажутся мертвыми, то это просто от моей тоски, а на самом деле они живы, они спят.

И откуда знать, почему нам так тоскливо в ноябре? Почему так жадно едим мы на концерты, в гости друг к другу, почему так любим огни, лампы? Может быть, миллион лет назад люди тоже засыпали на зиму, как засыпают теперь медведи, барсуки и ежи, а теперь вот мы не спим?

А в общем, не беда, что темно! Ведь у нас с тобой есть теплый дом и свет, и, вернувшись, мы растопим камин и станем смотреть в огонь...

Вдруг словно мышь пробежала у меня по рукаву, потом по спине, потом по другому рукаву – это ты ехал уже по моей дубленке и, проехав какое-то воображаемое расстояние, опять побежал впереди.

– Ничего, – заговорил я снова, – скоро ляжет зазимок, станет светлее от снега, и тогда мы с тобой славно покатаемся на санках с горки. Тут рядом с нами есть деревушка Глебово, вот туда мы и будем ходить, там такие хорошие горки – как раз для тебя! И станешь ты надевать шубку и валенки, и без варежек уже нельзя будет выходить на двор, а возвращаться ты будешь весь в снегу и входить в дом румяным с мороза...

Я оглянулся: сквозь голые деревья только один наш дом светил

окнами в непроглядной тьме. С соседних дач все давно

съехали, и они сиротливо и мертво отражали иногда своими стеклами свет редких неярких фонарей.

– Счастливый ты человек, Алеша, что есть у тебя дом! – вдруг неожиданно для самого себя сказал я. – Это, малыш, понимаешь, хорошо, когда есть у тебя дом, в котором ты вырос. Это уж на всю жизнь... Недаром есть такое выражение:

отчий дом! Хотя не знаю, почему, например, не «материнский дом»? Как ты думаешь? Может, потому, что дома испокон веку строили или покупали мужики, мужчины, отцы?

Так вот, милый, у тебя-то есть дом, а у меня... Не было никогда у меня отчего дома, малыш! А где я только не жил! В каких домах только не проходили мои дни – и в сторожках бакенщиков, и на лесных кордонах, и в таких, где и перегородки-то не до потолка, и в таких, которые топились по-черному, и в хороших старых домах, в которых и фарфор был, и рояли, и камин, и даже представь себе! – даже в замке пришлось пожить, в самом настоящем замке средневековом, далеко, во Франции, возле Сан-Рафаэля!

А там, братец ты мой, по углам и на лестницах стояли рыцарские доспехи, по стенам висели мечи и копья, с которыми еще крестоносцы ходили в свои походы, и вместо деревянных полов были каменные плиты, а камин в зале был такой, что быка целого можно в нем зажарить, а рвы кругом какие были, а подъемный мост на цепях, а башни по углам!..

И отовсюду приходилось мне уезжать, чтобы больше уж никогда туда не вернуться... Горько это, сынок, горько, когда нету у тебя отчего дома!

– Вот, знаешь, ехали мы в один прекрасный день на пароходе с приятелем по чудесной реке Оке (погоди, милый, подрастешь ты, и повезу я тебя на Оку, и тогда ты сам увидишь, что это за река!). Так вот, ехали мы с товарищем к нему домой, а не был он дома больше года. До дома его было еще километров пятнадцать, а приятель уж стоял на носу, волновался и все показывал мне, все говорил: вот тут мы с отцом рыбу ловили, а вон там такая-то горка, а вон, видишь, речка впадает, а вон такой-то овраг...

А была весна, разлив, дебаркадеров еще не поставили, и поэтому, когда мы приехали, пароход наш просто ткнулся в берег. И сходни перебросили, и сошли мы на берег, а на берегу уж ждал отец моего приятеля, и тут же лошадь стояла, запряженная в телегу...

Вот ты все мчишься на своей автомашине и не знаешь даже, что куда лучше ехать на телеге или в санях по лесной или полевой дороге – смотришь по сторонам, думаешь о чем-то, и хорошо тебе, потому что чувствуешь всей душой, что все, что вокруг тебя, все это и есть твоя родина!

И взвалили мы все свои чемоданы и рюкзаки на телегу, а сами пошли на изволок, вверх по скату, по весеннему прозрачному лесу, и чем ближе подходили к дому, тем сильнее волновался мой приятель.

Еще бы! Ведь дом этот, малыш, строил дед моего товарища, и отец и мать

прожили здесь всю жизнь, и товарищ мой тут родился и вырос.

И как только взошли мы в этот дом, так и пропал мгновенно мой товарищ, побежал по комнатам, побежал здороваться с домом. А и было же с чем здороваться! Ведь дом тот был не чета нашему с тобой и недаром назывался: «Музей-усадьба».

Столько там было милых старых вещей, столько всех этих диванов с погнутыми ножками, резных стульев. Столько прекрасных картин висело по стенам, такие заувывные и радостные пейзажи открывались из окон! А какие разные были там комнаты: светлые, с громадными окнами, узкие, длинные, затененные деревьями и совсем крохотные, с низкими потолками! А какие окна там были – большие, маленькие, с внезапными витражами в верхних фрамугах, с внезапными формами, напоминающими вдруг то фигурные замковые окна, то бойницы... А между комнатами, коридорами, закоулками, площадками – какие шли скрипучие антресоли, лестницы с темными перилами, истертыми ступеньками. И какими, наконец, старыми, приятными запахами пропитана была там каждая вещь, и не понять было – не то пахло чебрецом, сорванным когда-то какой-нибудь романтической мечтательницей, не то старыми книгами, целый век простоявшими в шкафах, пожелтевшими, с сухой кожей и бумагой, не то пахли все эти лестницы, перила, мебель, дубовые балки, истончившийся паркет...

Ты не думай, малыш, что дома и вещи, сделанные человеком, ничего не знают и не помнят, что они не живут, не радуются, не играют в восторге или не плачут от горя. Как все-таки мало знаем мы о них и как порою равнодушны к ним и даже насмешливы: подумаешь, старье!

Так и ты уедешь когда-нибудь из отчего дома, и долго будешь в отлучке, и так много увидишь, в таких землях побываешь, станешь совсем другим человеком, много добра и зла узнаешь...

Но вот настанет время, ты вернешься в старый свой дом, вот поднимешься на крыльцо, и сердце твое забьется, в горле ты почувствуешь комок, и глаза у тебя защиплет, и услышишь ты трепетные шаги старой уже твоей матери, – а меня тогда, скорей всего, уж и не будет на этом свете, – и дом примет тебя. Он обвеет тебя знакомыми со младенчества запахами, комнаты его улыбнутся тебе, каждое окно будет манить тебя к себе, в буфете звякнет любимая тобою прежде чашка, и часы особенно звонко пробьют счастливый миг, и дом откроется перед тобою: «Вот мой чердак, вот мои комнаты,

вот коридор, где любил ты прятаться... А помнишь ты эти обои, а видишь ты вбитый когда-то тобой в стену гвоздь? Ах, я рад, что ты опять здесь, ничего, что ты теперь такой большой, прости меня, я рос давно, когда строился, а теперь я просто живу, но я помню тебя, я люблю тебя, поживи во мне, возвратись в свое детство» – вот что скажет тебе твой дом.

Как жалею я иногда, что родился в Москве, а не в деревне, не в отцовском или дедовском доме. Я бы приехал туда, возвращался бы в тоске или в радости, как птица возвращается в свое гнездо.

И поверь, малыш, совсем не смешно мне было, когда один мой друг, рассказывая о войне, о том, как он соскакивал с танка, чтобы бежать в атаку, – а был он десантником, – и кругом все кричали: «За Родину!», и он вместе со всеми тоже кричал: «За Родину!», а сам видел в эти, может быть, последние свои секунды на земле не Родину вообще, а отцовский дом и сарай, и сеновал, и огород, и поветь в деревне Лошпенга на берегу Белого моря!

Так, разговаривая о том, о сем, свернули мы с тобой на едва светлевшую аллею в лесу, который полого спускался к крохотной речке Яснушке. Тут стало так темно, что я тебя почти не видел и поймал опять твою нежную руку.

Дожды до речки, дальше мы не пошли, чтобы не переходить во тьме скользких узеньких мостков.

Внизу едва внятно бежала по камешкам вода. Ветер иногда касался вершин берез и елей, и они начинали отдаленно шуметь. Вдохнув несколько раз горький, сиротский запах мокрой земли и облетевших листьев, я решил закурить – и выпустил твою руку.

Пламя спички показалось мне ослепительным, пока я прикуривал, и несколько секунд после этого плавали перед глазами оранжевые пятна.

Когда же я опустил руку, чтобы тронуть тебя за плечо, снова взявшись за твою нежную ладошку и повернуть назад, к дому – тебя не было возле меня!

– Алёша! – позвал я.

Ты не отозвался.

И мгновенно вспомнил я, как часто, заигравшись, ты не откликнулся, когда тебя звали!

Мгновенно представилась мне солнечная поляна в августе, по которой я чуть не час ползал, срезая рыжики и опять и оглядываясь временами на тебя: где ты? А ты за этот час ни разу не подумал обо мне, не подбежал ко мне – ты ходил по опушке, выискивая самые большие пни, и катал по ним свою машину.

Я помертвел, вообразив, как ты в этой черноте, занятый своим автомо-

бильчиком, все дальше уходишь в лес. И ведь мертвые дачи во всей округе, даже днем души не увидишь нигде!

И что с тобой станет, когда, очнувшись наконец от своей игры где-нибудь далеко в лесу, ты станешь звать меня, исходить в захлебывающемся крике, а я тебя уже не услышу!

Как бросался ты со всех ног к настоящему автомобилю, когда я выезжал из гаража, собираясь ехать в магазин. Как торопливо обрывался ты, не попадая колесками на порог кабины, когда я открывал тебе дверцу. И как потом счастливо стоял всю дорогу на цыпочках, уцепившись побелевшими пальчиками за панель, потому что был ты еще таким маленьким, что, когда садился на сиденье, тебе не было видно дороги впереди. И как упоенно шептал ты изобретенное тобой словечко, когда мы переезжали какую-нибудь трещину в асфальте и слышался сдвоенный мягкий толчок колес:

– Ждаль-ждаль!..

И я подумал с ужасом, что, катая сейчас свою машину по стволам деревьев или по своим рукавам и уходя все дальше от меня, ты в воображении своем, может быть, едешь на настоящей автомашине, слышишь звук мотора, и фары ярко освещают дорогу перед тобой, и светится в кабине панель, и дрожат красные стрелки на ней, и зеленый глазок загадочно горит – до того ли тебе, что тьма вокруг, а я не знаю даже, в какую сторону ты едешь!

Я присел, надеясь снизу увидеть бледное пятно твоего лица, если ты недалеко ушел. Потом зажег спичку, и, загородив ее ладонью от себя, сделал несколько шагов в одну сторону, потом зажег еще, пошел в другую... После неверного, колеблющегося света спички, хватавшего едва ли на два шага, стало как бы еще темнее.

– Алёшка! Иди сейчас же ко мне! – звал я тебя то ласково, то строго.

Шумел поверху лес...

– Алёша, пошли домой, мы там свет будем включать и свечки зажжем..., – жалко добавил я, вспомнив, как ты любишь зажигать и гасить бесчисленные лампочки в доме, как любишь горящие свечи.

«Папа, поднеси меня, пожалуйста, к выключателю!» – бывало, просил ты, подходя, обнимая мои колени, и, закинув вверх голову, счастливо заглядывал мне в лицо.

Я брал тебя на руки, ты упирался пальчиком в кнопку выключателя, щелкал, тут же мгновенно оборачивался, взглядывал на лампу и упоенно выпевал:

«Лампочка голи-ит!»

Но и выключатели и свечки не действовали – ты не откликался.

Тогда мне счастливо пришло в голову последнее средство, и я оживленно-фальшивым голосом громко воскликнул:

– А ну-ка, иди скорей сюда! У меня в кармане есть такая автомашинка! Скорей!

И тотчас зашуршали по листве твои торопливые шаги, и ты подбежал ко мне. Острое же зрение было у тебя!

– Хочешь такую машинку! – с торопливой готовностью к новому счастью сказал ты, хватая меня сначала за одну, потом за другую руку.

– Никаких тебе машин! – страдальчески, даже злобно закричал я в ответ и

Там, внутри, кабинет Юрия Павловича

только теперь почувствовал, как обдало меня холодным потом и как колотится мое сердце. – Мерзкий ты мальчишка! Как смеешь ты не откликаться, когда тебя папа зовет!

Но ты еще не верил, что тебя обманули и что новую машину ты не получишь, ты полез мне в карманы...

Ты потрясен был обманом, и как долго пришлось мне, присев на корточки, успокаивать тебя, обнимать, поглаживать по спине и вытирать ладонью твои слезы.

Велико же и младенческое горе!

Домой пришли мы обиженные друг на друга.

– И никакого камина я тебе не растоплю, и никаких свечек тебе не будет, никаких выключателей, и гулять мы с тобой больше никогда не пойдем! – выговаривал я тебе дорогой. – И вообще, не будь ты такой маленький, я бы тут же поставил тебя в угол на целый час! И все бы машины отобрал и запер!

Ты молча бежал впереди меня, не желая со мной разговаривать. Придя домой, я сердито включил телевизор, а ты ходил по столовой и играл сам с собой. (До сих пор простить себе не могу, что, сердясь на тебя, так долго смотрел какую-то скучную передачу!) Ты мог часами играть один, не обращая ни на кого внимания, но в тот вечер ты томился.

Тебе не хотелось быть одному, и ты иногда подходил к телевизору, как бы приобщаясь ко мне, соединяясь со мной, заранее виновато, но в то же время шаловливо улыбался, пытался нажать какую-нибудь кнопку и тут же укоризненно восклицал, обращаясь сам к себе, заранее зная, что я скажу:

– Алёша, ну зачем ты это делаешь?

Я досадливо отводил тебя рукой, говорил: «Не мешай!» – и ты вздыхал, покорно отходил, катал свою машину по столу и шептал, подражая звуку передних и задних ее колес, когда она переезжала какое-нибудь препятствие:

– Ждаль-ждаль!

Я иногда оглядывался на тебя рассеянно, проверяя, не делаешь ли ты чего-нибудь такого, чего тебе нельзя делать, – ведь жизнь твоя состояла из сплошных ограничений: нельзя было стаскивать скатерть со стола, брать спички, рисовать в книгах, да мало ли что еще, всего не перечтешь!

Но вот я взглянул на тебя пристальней, встретил твой какой-то особенный, ожидающий взгляд и увидел твою томлению и как бы мечту о чем-то. Звук, ток укоризны и опрошения исходил от тебя, и сердце мое забилося.

– Ну-ну, милый, ладно! – сказал я. – Иди ко мне...

А когда ты подошел, потупившись, с несмело-выжидательной полуулыбкой, я обнял тебя и почему-то тихо сказал тебе на ухо, одновременно с замиранием вдыхая запах твоих волос:

– Хочешь, поиграем вместе?

– Хочешь! – тотчас звонко сказал ты.

– Гм... А во что же мы станем играть? Знаешь что? Иди-ка ты садись у той стены, и мы будем друг к другу катать машину. Ладно?

Как мгновенно преобразился ты, какое счастье переполнило тебя сразу, как кинулся ты опрометью от меня, наклоняясь вперед, будто летя, и, еще не добегая до стены, уже приседая, полуоборачиваясь одновременно, с разбегу упал на четвереньки, потом сел, повернулся ко мне лицом и, – уже придвигаясь задом, прижимаясь к стене спиной, расставляя ноги, чтобы удобнее было ловить машину, с выражением восторга, ожидания, но в то же время и робко еще – не раздумал ли я? – взглянул своими потемневшими, расширившимися от волнения глазами на меня!

Дождавшись, пока ты окончательно устроился и укрепился, я пустил к тебе инерционную машину, и, нежно жужжа, она покатила к тебе через всю столовую. Ты же, пригнувшись до полу, стараясь заглянуть ей под колеса, упиваясь их непостижимым, таинственным вращением, жадно ждал ее, поймал, крепко сжал ее своими короткими пальчиками и уже доверчиво, общинчески глядя на меня, засмеялся своим непрерывно льющемся, закатывающимся смехом, который бывает только у таких маленьких, как ты, детей, когда смех журчит и горлышко трепещет не только при выдохе, но и при вдохе...

Отодвинув кресло, к совершенному твоему восторгу, я сел на пол и, так же, как ты, широко расставил ноги. И теперь уже одинаково принадлежащая нам ярко-красная пожарная машина с тонким своим жужжанием бегала от тебя ко мне и от меня к тебе.

Потом я лежал на полу перед тобой – но ты сидел! – и уже не пускал автомобильчик, а медленно катал его, выделявая самые прихотливые повороты, подражая звуку мотора и сигнала, а ты, весь напрягшись, вытянув шею, следя за малейшим движением машины, за всеми ее поворотами и разворотами, будто одной своей волей, одним взглядом управляя ею, – только нежно и обожающе произносил иногда своим свирельным голоском, когда автомобильчик переезжал с половицы на половицу:

– Ждаль-ждаль!

И еще одно счастье в этот вечер ожидало тебя, и ты знал об этом!

Когда пришла пора тебе спать, я раздел тебя, уложил в кровать, укрыл одеялом, погасил свет и вышел. Из детской твоей не доносилось ни звука, но я знал; что ты не спишь, дожидаясь последнего за этот день наслаждения. Я знал, что, зарывшись с головой в подушку, затаив дыхание, с бьющимся сердцем, ты ждешь меня, ждешь той захватывающей минуты, когда я приду к тебе со свечкой.

Надо сказать, что у нас с тобой был чудесный подсвечник – мне подарили его в Германии. А представлял он из себя фарфорового добродушного человечка, столбиком стоявшего на медной подставке, – с круглым животом, в камзоле, в коротких панталонах, в белых чулках, с пухлыми щечками и с шандалом на треугольной шляпе.

И вот зажег я свечу в этом подсвечнике, подождал некоторое время, пока она получше разгорится, а потом медленно, шагами командора, подошел к твоей комнате и остановился перед дверью.

Ну, несомненно же ты слышал мои шаги, знал, зачем я подошел к твоей двери, видел свет свечи в щелочке между дверью и косяком, но терпеливо, весь напрягшись, ждал.

Наконец я торжественно, медленно стукнул тебе в дверь три раза: «Тук! Тук! Тук!» – тотчас услышал стремительный шорох, – ты вскочил, как пружинка, открыл дверь (кровать твоя стояла рядом с дверью) и выговорил нараспев:

– Све-е-ечечка!

Озаренный свечой, ты сиял, светился, глаза твои, цвета весеннего неба, лучились, ушки пламенели, взлохмаченный пух белых волосиков нимбом окружал твою голову, и мне на миг показалось, что ты прозрачен, что не только спереди, но и сзади ты освещен свечой.

«Да ты сам свечечка!» – подумал я и сказал:

– Ну! Давай!

– Это... это... – заторопился ты, трогая пальцем подставку, подсвечничек!

– Так Дальше?

– Это животик...

– Э, братец кролик, ты уж не перекакивай, давай по порядку!

– Знаешь, знаешь! – заспешил ты, торопясь поскорее добраться до главного. – Подсвечничек, потом ножки, потом

штанишки и уже животик... Потом головка... шапочка...

– Опять пропустил! – напомнил я

– Щечки, носик... – спохватился ты. – Потом шапочка, а это... это... – запнулся ты, не зная, как назвать шандал, укрепленный на треуголке, это – такая штука...

И вот наконец главное!

– Све-е-ечечка го-ли-и-ит! – с упоением протянул ты.

– Ну вот, – весело сказал я. – Вот и все. Теперь спать. Гаси свечку и бай, бай, – хорошо?

Еще несколько секунд глядел ты на огонь свечи своими огромными лучистыми глазами, и на лице твоём промелькнула некая таинственная тень, будто хотел ты остановить мгновенье, потом лицо твое опять просияло, ты вздохнул легко, дунул на свечку и, восторженно взбрыкнув ногами, бросился головой в подушку.

Перекрестив тебя и укрыв одеялом, погладив пушистые твои волосики, я вышел и стал ходить по столовой.

Я думал о тебе, и мне пришла вдруг на память поздняя осень на Севере и одинокие мои скитания. Однажды я возвращался с охоты вечером, и была такая же тьма, как и сегодня, вдобавок еще дождь моросил, и я заблудился. Отшагал за день я не меньше сорока километров, ружье и рюкзак казались мне до того тяжелыми, что готов был бросить их.

Я уж потерял всякую надежду выйти к жилью, но не это меня угнетало, хоть кругом на сотни километров были глухие леса! – а угнетало то, что все было мокро,

под ногами чавкало, и не было никакой возможности развести костер, отдохнуть и обсушиться.

И вот далеко, как затухающая звезда в космосе, мелькнул мне во тьме желтый огонек. Я пошел на него. Еще не зная, что это – костер ли охотников, окошко ли лесного кордона, – я упорно шел к этому огоньку, скрывавшемуся иногда за стволами деревьев и снова показывавшемуся, и мне сразу стало хорошо: вообразились какие-то люди, разговоры, тепло, свет, жизнь...

И, вспомнив этот давний случай и думая о тебе, я почувствовал вдруг, как мне стало весело, недавнюю тоску мою как рукой сняло, и снова захотелось жить.

Гагра, декабрь 1973 г.

Рисунки Киры Скрипниченко

Дмитрий Шеваров

Поговори со мною, брат...

Размышления и воспоминания на юбилейной выставке
Исаака Ильича Левитана в Третьяковской галерее

*Пожалуй, эта красота
Мир грешный не спасет.
Но до последнего листа
Всё в жертву принесёт...*

Алексей Решетов

Юбилейная выставка Исаака Ильича Левитана (1860–1900) с октября прошлого года проходит в залах Третьяковской галереи на Крымском Валу. Последняя монографическая выставка Левитана состоялась полвека назад. Выросли поколения зрителей, не имевших возможности познакомиться с творчеством художника во всем его многообразии. Нынешняя выставка уникальна тем, что на ней собрано около 300 картин, этюдов, пастелей, акварелей и рисунков из 17 музеев России и частных коллекций Москвы, а также из двух зарубежных собраний. Завершится выставка 20 марта.

Автопортрет

Стога и лодки. Лодки и стога. Сумерки и мокрые дороги. Дороги и тропинки. Низкие, прощальные лучи летнего солнца. Застенчивые Никольские храмы вдоль рек. Лесные монастыри...

Все это с детства, с «Родной речи», с репродукции в бабушкиной спальне, – все знакомо, впитано до каждого штриха, до каждого листочка. Знакомо, впитано, но и в тысячный раз увидишь – и не можешь оторваться.

И нахлынет сразу: и бабушкины вздохи за стенкой, и напевы ее, и тот апрельский день, когда капель играла на школьном подоконнике, а перед нами учительница поставила большую картонку, уже чуть скособочившуюся; на картонке – скворечник сияет в небесной лазури, березы дымятся, снег слепит, а тут же и лошадь понурая, и розвальни, и дверь, открытая в неведомый двухэтажный дом. Глаза разбегаются, и не знаешь, с чего начать.

И чей это дом (похож на Сережкин, но у Сережки старенький, а этот новенький, прямо тесом пахнет!); и кто ехал в этих розвальнях по рыхлой уже дороге, сквозящей желтым суглинком; кто забежал в дом и оставил дверь нараспашку, и о чем думает лошадь? Как ужасно важны эти вопросы! Но вскачь несутся минуты, и не за горами звонок, и надо будет сдавать тетрадку с изложением, а в ней еще пусто и чисто, лишь воздушные тени гуляют, колыхаются на разлинованной синими прожилками бумаге...

«Не успеть, не успеть!» – лихорадочно думаю я и тут вспоминаю сарай. Вернее, этюд под названием «Сарай». Это единственная работа Левитана в картинной галерее Вологды.

По нижнему краю картины довольно небрежно написано: «Этюд поко(йного) брата И. Левит.» И подпись – «А. Левитан». Приезжим говорят: «А вот наш Левитан».

Осенний день. Сокольники. 1879

Гости смотрят на скромный этюд размером с учебник и вежливо улыбаются.

Мне же «Сарай» кажется необыкновенным. Краски Левитана – такие солнечные, золотые, что приходится щуриться. К тому же я знаю толк в сараях. Сарай стоит у нас во дворе и во всех дворах города. В сараях хранят дрова, перевязанные кипы старых газет, грабли, фанерные почтовые ящики, поломанные игрушки, чурбаки для колки дров и множество вещей загадочного происхождения и непонятного назначения. В сараях прячутся от дождя и родителей, играют в карты, клянутся в вечной дружбе и целуются. Сарай летом важнее родного дома.

«Сарай» очень напоминает сарай в нашем дворе. Только наш серый и кособокий. Впрочем, и он может поймать золотой отблеск в конце долгого летнего дня. Один раз на одно мгновение.

Мгновение это так легко пропустить. Иной год все лето пробегаешь, а ничего такого не увидишь. И только однажды, затаившись от ребят в углу между забором и гаражом, вдруг увидишь, как залысается охрой сарай и легким светом наполнится двор, и тут же все погаснет, станет прежним. Но после этого почему-то не обидно услышать: «А мы тебя застучали!..» Можно с достоинством выйти из крапивы и начинать водить.

И дался мне этот «Сарай»! Забились мои мысли в него, затворились там и думают: может, пронесет? Может, не сдавать тетрадку, а украдкой ее – в портфель. Авось, не хватится учительница. И без меня ей проверять тридцать девять изложений.

Вот и звонок с урока... Вздрыгнул класс, выдохнул с облегчением «у-ф-ф!..», и захлопали крышки парт, загудел за стенкой коридор. А я-то ничего толком и не написал. И все звенит звонок, заливаются, грозя мне двойкой.

...Нет, это я просто задумался, нырнул в детскую память и замешкался там. Не за партой я, а на выставке. И звенит не школьный звонок, а просто мобильный у кого-то – в стиле ретро дребезжит. Это сейчас модно. Даже старые звуки и те ласкают нас теперь особенно, что-то милое, наивное, давнее напоминают нам.

Служительница тонким старушечьим голосом напоминает, что через полчаса выставка закрывается. Сколько я пробыл там – час, два, три?.. Я пришел – за окнами было светло. Но я еще сорок минут стоял в очереди. Пока стоял – сосчитал, каким же я по счету в этой тихой славной очереди. Оказалось – сто тридцать первым. А народ шел и шел, прибывал из московских сумерек. Многие с детьми. И даже с совсем малютками. Потом, в зале, я видел как на скамеечке, на фоне «Тихой обители», молодая мама кормила малыша грудью. И здесь, среди левитановской Руси, это было – как естественное продолжение той жизни, что текла в полотнах.

Как важно было бы, думал я, уходя с выставки... Нет, важно – тут не то слово... Как благолепно и насущно было бы провезти хоть часть этой выставки по России, по малым и большим городам. Это было бы что-то подобное крестному ходу.

Мне скажут, что, мол, нельзя такую параллель проводить. На крестных ходах иконы святые и чудотворные несут, а тут пейзажи, пусть и великого художника. Картины и картины, ничего более.

Но отчего же тогда искусствоведы, люди светские, и те говорят: «Левитан создал из простых, прозаичных

видов иконные образы русской природы». Да что говорить: постой перед «Золотой осенью» или «Березовой рощей» минут десять, и душа без подсказки ученых скажет тебе: есть, есть родное между иконами и картинами Левитана. И роднит их хотя бы то, что когда безвестные мастера писали иконы, вокруг них были вот такие пейзажи, как на полотнах Левитана.

Возвращаясь мыслью к крестным ходам, особенно городским, надо с печалью признать: многих они, увы, не трогают. И души людей чаще всего уже не устремляются вослед этим ходам. Попривыкли. А многие и раздражаются: вереницы медленно шествующих с хоругвями православных задерживают движение транспорта.

А придет в город выставка пусть даже одной-одинешенькой картины Левитана, но если это «Над вечным покоем», или «Золотая осень», или «Свежий ветер. Волга», или «Вечерний звон», – весь город сбегится. Заглянет и тот, кто и в храме сроду не был, а вот поговорит с ним тихо Левитан – и, даст Бог, стронется лед в человеке...

Наивно? Быть может. Но все же видим: страна угасает в обозленности и унынии, глушит себя водкой и децибелами, куролесит в свинских дебошах и матерных пирушках посреди замусоренного и уродливо застроенного пространства.

В недавно изданном дневнике композитора Валерия Гаврилина встретил такую запись: «Тишина – слышен Бог. Шум – бегство от голоса совести».

Поговори с нами, брат Левитан...

Весна – большая вода. 1897

Цветущие яблони

Тихая обитель

ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

18 августа 1860. Родился в посаде Кибарты (Литва) в семье железнодорожного служащего.

1860-е годы. Получает домашнее образование (кроме Исаака, в семье еще трое детей).

1870. Семья Левитанов переезжает в Москву.

1873. Поступает в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, в 1-й «оригинальный» класс.

1874. Переходит во второй, «головной» класс. Начинает заниматься в пейзажной мастерской у Алексея Кондратьевича Саврасова. Знакомство с Михаилом Нестеровым, Андреем Рябушинским, Константином Коровиным, Николаем Касаткиным, Сергеем Ивановым.

1875. Умирает мать. Знакомство с братьями Антоном и Николаем Чеховыми.

1877. Умирает отец. На ученической выставке впервые экспонируются пейзажи художника.

6 апреля 1877. Первый отклик на пейзажи Левитана в печати.

2 июня 1877. Получает Малую серебряную медаль за этюд масляными красками.

1879. Зачислен на стипендию генерал-губернатора Москвы В.А. Долгорукого.

Январь 1880. П.М. Третьяков приобретает картину Левитана «Осенний день. Сокольники».

1880–1883. Живет под Москвой в Останкине и в дешевых гостиницах.

1883. Вместе с Константином Коровиным работает на этюдах в Звенигороде.

1884. Принят в число экспонентов Товарищества передвижных художественных выставок.

1885. Совет преподавателей исключает Левитана из училища «за непосещение классов».

1885. Участвует в создании декораций к феерии А.С. Даргомыжского «Русалка». В апреле совершает попытку самоубийства. Пишет пейзаж «Истра» и преподносит его А.П. Чехову.

1886–1889. Живет в Москве, в номерах «Англия» на Тверской улице.

Март-май 1886. Первая поездка в Крым. Проводит лето у Чеховых в имении Бабкино. Знакомство с С.П. Кувшинниковой.

Май 1887. Первая поездка на Волгу. Неудачная и разочаровывающая.

1888–1889. Вторая и третья поездки на Волгу. В Плесе создает сразу несколько шедевров.

1890. Получает премию Московского общества любителей художеств за картину «Тишь».

1890. П.М. Третьяков приобретает картины Левитана «После дождя. Плес» и «Вечер. Золотой Плес». Первая поездка за границу. Вместе с Кувшинниковой проводит лето на Волге (Плес, Юрьеvec, Кинешма). На верхней Волге, в Юрьеvecе, пишет картину «Тихая обитель». По свидетельству Кувшинниковой, Левитан любил вечерние службы в небольших храмах и монастырях.

1891. Принят в Товарищество передвижных художественных выставок. На выставке-аукционе в помощь голодающим крестьянам проданы пейзажи Левитана.

1892. Лето проводит в пушкинском Болдине. Создает картины «Владимирка», «У омута», «Над вечным покоем». Отсылает на Всемирную выставку в Чикаго картину «Вечерний звон». С сентября по декабрь И. Левитан выселен из Москвы, как еврей. Зимой Валентин Серов пишет его портрет.

1893. Живет и работает под Вышним Волочком, близ озера Удомля.

1894. Дарит П.М. Третьякову картину «Владимирка». Вторая поездка за границу.

1895. Создает ряд шедевров – «Март», «Свежий ветер. Волга», «Золотая осень».

1896. В Мюнхене с успехом экспонируются картины Левитана. Поездка по Ладожскому озеру в поисках «мотива для новой песни». На Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде выставлены 18 картин Левитана.

1897. Тяжело заболевает (аневризма аорты, порок сердца). Пишет картину «Весна. Большая вода». Третья поездка за границу. В ноябре избран действительным членом Мюнхенского Сецессиона.

23 августа 1898. Собрание Академии художеств присваивает Левитану звание академика. Четвертая поездка за границу.

1 сентября 1898. Начинает преподавать в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

1900. По рекомендации врачей, едет в Крым. Гостит в Ялте у А.П. Чехова. На Всемирной выставке в Париже экспонируются пейзажи Левитана.

22 июля 1922. Умирает в Москве. В мастерской осталось около сорока не завершенных им картин.

Главное – молиться и верить в Бога

Это маленькое село под Вологдой только появляется на паломнических и туристических картах, но несомненно, что вскоре сюда будут стремиться приехать люди со всего света. Во всех трудах по возрождению Покровского так или иначе участвовала праправнучатая племянница святителя Игнатия (Брянчанинова) Татьяна Александровна Ватсон. Она родилась в довоенной Чехословакии, полвека живет в Австралии, но истинной своей родиной считает Покровское. Несколько раз в год Татьяна Александровна приезжает сюда, и для всех она здесь свой, близкий человек.

О том, что святитель Игнатий появился на свет именно в селе Покровском, известно было, конечно, и раньше. Но только недавно вологжане по-настоящему вспомнили о Покровском: провели сюда дорогу, реставрировали усадьбу Брянчаниновых, восстановили усадебный храм, где когда-то будущего святого крестили с именем Димитрий.

Мы беседовали, сидя на теплых ступеньках старого деревянного дома, стоящего у самой дороги и первым встречающего всякого путника. Дом из-за больших окон с широкими ставнями очень похож на сельпо. Я вслух заметил об этом, Татьяна Александровна улыбнулась:

... – А многие до сих пор думают, что это магазин. До революции здесь жил священник, но в 30-х годах дом забрал колхоз, тут была почта, потом магазин. Вот и стучатся до сих пор. На днях один человек пришел: «У вас есть водочка?» А я не поняла и подумала, что он водички просит. У нас тут колодец закрыт на ключ, и я говорю: идите вот в тот дом, там женщина даст

вам ключи, и вы напьетесь от души. Он тоже меня не понял, пошел в тот дом и говорит там: «Мне какая-то бабка сказала, что вы можете дать мне водочку... Какая бабка? Да с акцентом...».

Вчера пью чай, влетает мужчина: «У вас тут сельпо?» Я говорю: это частный дом, вы посмотрите, я даже объявление повесила: «Это – не магазин»... Но я люблю мой «магазин».

Правда, зимой здесь невозможно. Я когда нынче зимой приезжала, то вошла в избу, а тут все замерзло. Даже уксус в бутылке. Печка есть, но старенькая, плохонькая, ей, наверное, сто лет.

– Всем, кто впервые узнает о судьбе святителя Игнатия, кажется загадкой: как, почему дворянин из состоятельной семьи, аристократ, приближенный к императору, блестящий молодой человек, необычайно одаренный в науках и литературе, вдруг уходит в монахи?..

– А его с детства тянуло к монашеству. Когда отец вез Димитрия учиться в Петербург, то спросил сына: «Кем ты хочешь быть?» И пятнадцатилетний мальчик ответил: «Монахом». Я думаю, он учился в Военном инженерном училище лишь по послушанию родителям. Мыслями он и тогда был далек от светской карьеры. Когда закончил училище, то тут же хотел уйти в монастырь. Но начальство отказало ему в отставке, вмешался даже Николай I. Родители тоже были против. Отец его, Александр Семёнович, отличался страшной строгостью. Но иначе, пожалуй, ему трудно было бы справиться с детьми – а их у Брянчаниновых родилось шестнадцать! Димитрий – первенец. Но благодаря суровости, аскетичности воспитания он смог потом вынести монашескую жизнь.

А если бы его избаловали, то какой бы из него монах получился?

– При каких обстоятельствах Брянчаниновы покинули Россию?

– Когда беженцы из России только прибыли в Чехию и организовались русские гимназии, преподаватели попросили детей написать о своих злоключениях, о том, как они бежали, что пережили. И мама моя тоже написала такое сочинение. В 1925 году профессор Зеньковский и князь Долгоруков издали даже книжку с этими сочинениями (в 2001 году книга «Дети эмиграции» была переиздана в России – ред.).

Так вот, мама рассказывала, что в 1917 году вся семья осталась в Покровском на зиму, поскольку никто не знал толком, что происходит в Петрограде. Потом моя бабушка с детьми отправилась в Москву, а дедушка один здесь остался. Однажды к нему пришли крестьяне с большим чемоданом и сказали: «Владимир Николаевич! Завтра придут большевики, мы вас защищать не можем. Вот вам еда, мы вас посадим на поезд, поезжайте в Москву...». Дедушку посадили в Вологде на московский поезд, и он успел уехать. Так крестьяне его спасли...

– Как всё это не похоже на то, что происходило тогда в других поместьях. Ведь даже блоковское Шахматово разгромили и сожгли...

– Знаете, в Покровском отношения были совсем другие. Крестьяне очень любили дедушку и дом не трогали, что и позволило потом устроить здесь санаторий. Дедушка с благодарностью – и по именам! – вспоминал крестьян. Увы, я не запомнила подробностей его рассказов, ведь когда я жила у бабушки с бабушкой, мне было двенадцать-тринадцать лет, а в таком возрасте мы

еще не понимаем ценности воспоминаний.

Мы думали, что никогда не вернемся. Россия была той частью жизни, вернуть которую было нельзя. Из-за этого я даже не спросила деда и бабушку, а что было в этой комнате или в этой, и план усадьбы не попросила нарисовать. К счастью, фотографий много сохранилось.

– Чем для Вас было Покровское до 1994 года, когда вы впервые приехали в Россию?

– У меня всегда была любовь к этому месту. Я, хотя и не надеялась увидеть Покровское, но хорошо его представляла по рассказам взрослых. Я только и слышала с детства: «Покровское..., Покровское...» И когда я сюда приехала, то сердце сжалось... Я вспомнила, с какой нежностью рассказывали о Покровском дедушка и бабушка. После войны, с 1945 по 1949-й, я жила у них в Праге. Старики много занимались со мной. Бабушка — русской литературой, а дедушка — больше моим духовным воспитанием. У нас это было гораздо легче, религию не запрещали, так что дедушка читал мне жития святых и рассказывал о мучениях верующих в России.

– А в Праге и после войны были открыты храмы?

– То, что уцелело, было открыто. Во время войны больше всего пострадала Чешская Православная Церковь. В 1942 году священников пражского кафедрального собора немцы обвинили в том, что они укрывали чешских парашютистов, заброшенных из Англии и убивших гитлеровского наместника эсесовского генерала Рейнгарда Гейдриха. Двадцать два дня они скрывались в катакомбах, а потом их кто-то выдал гестапо. И катакомбы стали заливать водой, все там погибли. А епископа и священников расстреляли. Все храмы Чешской Православной Церкви были закрыты.

У русских же оставался храм Успения на Ольшанском кладбище. Службы были и в профессорском доме, где в одной большой комнате сделали домовую церковь. В конце 20-х годов для русских профессоров и преподавателей в пражском районе Дейвице было построено несколько жилых домов. А в центре Праги оставался открытым Свято-Николаевский храм, там папа с мамой венчались. Кстати, это тот самый храм, где когда-то впервые про-

Игнатий (Брянчанинов) – выдающийся духовный писатель, к голосу которого прислушивались Н.В. Гоголь и Ф.М. Достоевский. Его книги и сегодня – увлекательнейшая, горячая, живая словесность. Став архимандритом в 27 лет, он возрождал монастыри и своим примером утверждал там подлинно монашескую жизнь. Умелый администратор и тонкий дипломат, он не случайно был назначен управлять огромной Кавказской епархией в условиях жестокой войны на Кавказе. В 1988 году Русская Православная Церковь причислила святителя Игнатия к лику святых.

звучала Божественная литургия Петра Ильича Чайковского.

Но вскоре в Чехию пришел коммунизм, и из-за этого нам опять пришлось бежать. В 1949 году бабушка и дедушка уехали во Францию, а мы в Австралию.

Дедушка умер в Монморенси в 1963 году. В 2006 году я перевезла его

останки сюда. Было так трудно, что я думала: ничего не выйдет. Но молилась каждый вечер: «Господи, помоги мне его привезти на родину!» И святому Игнатию, конечно, молилась. То, что дедушка теперь покоится здесь, на родовом кладбище, — я думаю, что это чудо. Ведь столько было трудностей! Когда все уже было подготовлено, российское посольство вдруг запросило документы — докажите, что ваш дедушка русский. А у нас в семье никаких документов не сохранилось. Потом мы были обязаны доказать, что в России есть место, где его похоронить. Выручила Вологда — мне тут выдали чудесную бумажку, где было написано, что мой дедушка, Владимир Николаевич Брянчанинов — внучатый племянник святителя Игнатия и последний владелец усадьбы Покровское.

– Каким Вам сейчас видится будущее Покровского?

– Я думаю, сюда паломники будут приезжать. Надеюсь, и село оживет. Вот сегодня четырнадцать человек в нашем восстановленном храме крестились! Все они выросли в этих местах, и им захотелось именно здесь креститься.

– Оглядываясь на традиции своей семьи, что Вы можете назвать главным в воспитании детей?

– Сейчас родители слишком балуют своих детей и позволяют им все, дают слишком много денег. Они думают: «Вот дам ему побольше денег, пусть он будет доволен...». При этом никакого внимания душе ребенка, никто не хочет

тратить на это время. Это и здесь, и в Австралии, и во всем свете. А главное — научить детей молиться и верить в Бога.

– Молитва – самый большой труд на земле...

– Я не нахожу, что это труд. Я думаю, что это помощь в жизни. Я всегда

Владимир Николаевич – дед Татьяны Александровны Ватсон и последний владелец усадьбы

Храм в Покровском

молилась. Я бы и уснуть не могла, не помолившись.

Вера мне очень помогла в жизни – и когда я была беженкой, и когда страдания, испытания... Среди эмигрантов после революции почти все были верующие, и это им очень помогло. Многие были из очень обеспеченных семей и лишились всего, абсолютно всего! Они привыкли к прислуге, к комфорту и вдруг очутились нищими. Но они сказали: «Боже, на всё воля Твоя! Значит, нам надо это перенести...». Поэтому среди наших беженцев было очень мало самоубийств. Было, но немного. И вот теперь, куда бы вы на свете не приехали, везде будет там православный храм. Вот и у нас в Западной Австралии, в городе Перт на берегу океана, есть храм.

– Ваши дети и внуки связывают свою жизнь с Россией?

– Внуки маленькие, младшему и вовсе четыре месяца. Те, что постарше и в школе учатся, тоже еще в России не были. Дети здесь были, но они выросли в ту жизнь, в Австралии, и не могут уже ее оставить. Вот мечтаю научиться на

компьютере, чтобы перевести для них документы из семейного архива. Они ведь и русского языка, к сожалению, не знают.

– О чём Вы еще мечтаете?

– Мечтаю, чтобы внуки знали русский. Вот учу Соню, мою маленькую двухлетнюю внучку, как когда-то меня бабушка учила, – она просто говорила со мной только по-русски. Но бедная Сонечка, наверное, думает: «Какая бабушка странная – со всеми говорит так, а со мной по-другому...»

* * *

Несколько слабых огней появятся на взгорке и погаснут – так Покровское простится с тобой в вечерний час, когда оглянешься на село уже из машины. Какое-то сиротство охватит тебя на тёмной безлюдной дороге! Но тут же вспомнится, как ровным и тихим светом теплится свечка в храме Покрова, поставленная православной женщиной из далекой Австралии.

Грязовецкий район,
Вологодская область

Беседовал Дмитрий Шеваров

В 2009 году завершилась реставрация усадьбы Брянчаниновых в селе Покровское Грязовецкого района. В январе 2010 года начал работать культурно-просветительский и духовный центр «Усадьба Брянчаниновых».

Покровское находится в 28 километрах от Вологды. У знака Винниково-1 с Новой Московской дороги необходимо повернуть направо и проехать семь километров до усадебного комплекса.

Дворянский усадебный дом невелик: одновременно он в силах принять до 40 посетителей. На экскурсию можно записаться заранее по телефонам: (8172) 72-13-65, 8-921-601-79-25. Время работы комплекса: с 10.00 до 18.00. Выходной – понедельник. Стоимость экскурсии по усадьбе Брянчаниновых – 100 рублей, входного билета в парк – 15 рублей.

(Информация с сайта: <http://www.cultinfo.ru/griazovec/pokrovskoe/main.htm>)

Так выглядят сегодня интерьеры усадьбы

Ася Шеварова. Михайловское. Часовня на Савкиной горке в морозный день

Лампада № 1 (76) январь – февраль

Ваше и наше родное

Альбом «Наше родное» имеет очень важный подзаголовок: «Книга, написанная и нарисованная детьми». К сожалению, даже в такой большой альбом вошла лишь малая часть тех работ, которые были собраны для этого необычного издания.

Книга появилась благодаря сотрудничеству педагогической газеты «Первое сентября», специальной (коррекционной) общеобразовательной школы г. Лобни и воскресной школы при храме Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово, что в подмосковном городе Долгопрудном.

Выпускник Академии художеств диакон о. Димитрий Котов (сейчас он служит в Покровском храме) много лет занимается с детьми изобразительным искусством. На одном из занятий пришла идея собрать книгу из работ ребят со всей России. Газета «Первое сентября» объявила конкурс «Сказка с ладошкой», и вскоре стали приходить письма из всех уголков нашей страны. А с одним – с Вадимом – я даже задружил.

Долго искали название альбому. Однажды кто-то принес в воскресную школу дореволюционный учебник «Наше родное». И сразу решили, что лучше названия не найти.

Машиа, 8 лет

КОТ И ДЯДЯ

Жил-был на свете котик, он был дикий. Однажды Барсик встретил дядю Мишу, который проходил около него. Кот же увязался и шел за ним.

Когда дядя Миша увидел Барсика, то сказал:

– Ой-ой, какой ты хороший, маленький, полосатенький забияка. У тебя, наверное, нет хозяина, и, должно быть, ты очень голодный.

– Да, голодный очень-очень, – сказал кот.

Когда дядя Миша пошел дальше, кот сказал ему еще вдобавок: «И ничей».

Тогда дядя взял его себе и приручил. Жили они, не тужили.

И вот как-то раз дядя Миша неожиданно куда-то ушел. Кот не стал терпеть до его прихода и сделал себе обед. Пожарил рыбу, налил молока и начал это все есть, и тут появился хозяин.

Кот и дядя долго молчали и не знали, что спросить. И наконец совсем тихий и грубый голос дяди Миши неожиданно для самого себя проговорил:

– Ну, раз ты такой самостоятельный, назначаю тебя поваром!

После этого друзей было не различить.

Сергей Rogовченко

г. Черняховск,

Калининградская область

ФАСОЛИНКА

Жила-была семья. Отца звали Иваном, мать звали Марией, а сына – Алешей. И вот однажды отец пошел на охоту

в тайгу и не вернулся. Горевали-горевали мать с сыном, да делать нечего.

Леша успокоил маму:

– Я уже большой и могу сам позаботиться о семье.

Навязал веников, насобирал шиповника и пошел на базар. Просидел весь день, но ничего не продал. Идет домой, печалится, чем порадовать маму. Но вот идет навстречу ему старенькая бабушка и спрашивает:

– О чем печалишься, внучек?

– Как мне не печалиться. У меня папа не вернулся с охоты, мама голодная, а у меня на рынке ничего не купили.

– Не печалься, внучек, продай мне веник и немного шиповника.

Леша обрадовался, что хоть немного будет денег. Но у бабушки денег не было, а было всего одна фасолинка.

Бабушка сказала:

– Придешь домой, посади фасолинку.

И пошла своей дорогой.

Алеша побежал домой, быстрее посадил, а маме сказал, что ничего не продал и завтра опять пойдет.

Наступило утро. Мама будит Алешу:

– Вставай, папа приехал!

Папа говорит: Смотрите, какое тут у вас дерево выросло до неба!

Леша встал и увидел, что из фасолилки выросло огромное дерево, а на нем всякой еды – море. И стали они жить-поживать и добра наживать.

Даша Путилина, 3 класс

Амурская область

ЧУДЕСНОЕ ЯБЛОЧКО

Жил да был маленький мальчик. Он мечтал стать богатырем.

Однажды залез он на яблоню, там висело много спелых плодов. Но мальчик выбрал самое маленькое и зелененькое яблочко. Съел он яблочко, прыгнул с дерева, да так, что земля затряслась. Идет мальчик, как землетрясение. Яблочко оказалось волшебным, и он стал богатырем, как мечтал.

Началась война, а мальчику было всего лишь семь лет. Пошел он на войну, так как он стал очень сильным. Воевал на славу. Вернулся Петя на Родину, все его уважают и почитают.

Яблоню ту, с которой он сорвал яблочко, огородили золотой изгородью.

*Людмила Макарова, 3 класс,
г. Устюжна, Вологодская область*

КАК ЖИЛИ В СТАРИНУ

Знаете, как интересно на уроке истории? Вот нам учительница объяснила, как образовалась Русь. И я даже представила, в какой одежде в старину ходили люди, какие строили дома, как они приняли православную веру. Теперь знаю, что такое иконостас и что такое икона, и как живут монахи в монастыре, и для чего они там живут. Теперь я могу отличить фреску от настенной живописи. Теперь я всегда жду этих уроков.

Настя Ковнер, 3 класс

г. Челябинск

Живут такие мальчишки

Как-то в сентябре Вадим послал мне свои рассказы. Из них я узнал о том, почему лосята ходят иногда по лесу одни, зачем зайцу длинные уши и кто такой куропач. Потом я послал их на конкурс «Заветная мечта» – тогда только учредили такую литературную премию за произведения для детей.

Мне позвонили из жюри: помогите найти Вадима Михайловича Гырнеца, хотим пригласить его в Москву, он стал финалистом премии. Я сказал, что Вадиму Михайловичу – двенадцать лет...

И вот я стою в зале, где назначено чествование лауреатов. Оглядываюсь по сторонам и вспоминаю строчки из первого письма Вадима: «...Мы с мамой, папой и братом раньше жили в Вепском крае. Дедушка служил лесником, бабушка работала в колхозе, теперь они на пенсии. Мой папа работает помощником машиниста на вывозке леса, а мама в школе учит коррекционные классы. У нас еще есть собака Рада, она рыжая, у нее уши большие. И кот Котофей Иванович, он черно-белый, и кошка Пушинка. Вот и все. Чуть не забыл. Я перешел в 4-й класс...»

Они приехали в Москву все вместе – папа Михаил Константинович, мама Любовь Иннокентьевна, Вадим и его младший брат Никита.

Из рассказа Вадима Гырнеца «Дом у леса»: *«Наш дом стоял рядом с лесом. Маме долго приходилось добираться до работы, а мне до школы. Папе было намного лучше, он ведь работал лесником. После школы я сразу бежал в лес искать папу. Однажды мы шли по лесу и увидели лосенка. Он стоял один, без мамы. Я сказал папе: «Давай возьмем его себе». На что отец ответил: «Он уже взрослый, потому и ходит один. Тут его дом...»*

Начался фуршет. Вадиму кто-то протянул сладкую вату на палочке. Он долго держал ее в руке, пока я не подсказал, что вата съедобная.

Скажу сразу, что никакой денежной премии Вадим не получил, ни копейки. Ни даже бумажного диплома. Но обиды нет. Честное слово. Спасибо «Заветной мечте» за то, что Вадим увидел Москву, Красную площадь под проливным дождем.

Вадиму на том вечере вручили альманах «Заветной мечты» с лучши-

ми произведениями, присланными на конкурс. Мы вместе стали листать эту красивую книгу и на 188-й странице увидели заголовок «Вадим Гырнец. Подборка коротких рассказов».

Один из литературных критиков спросил Вадима о любимых книжках.

– Житков, Пришвин, Бианки... – перечисляет Вадим.

– Оригинально, – кивает головой критик, – А какую книгу ты любишь перечитывать?

– «Я познаю мир». Это такая энциклопедия.

Глядя на Вадима, мне вдруг представился лесной ручей, тихо бежавший вдаль от людских глаз, в тени высоких некошенных трав и вот вдруг вбежавший в город и оказавшийся у всех на виду. Но Вадим вовсе не робок, он любопытен и приветлив...

Один известный писатель сказал на пресс-конференции о Вадиме: «Он пишет так, как должен писать обыкновенный мальчишка в этом возрасте. Но почему-то другие мальчишки так не пишут».

Я вовсе не сравниваю Вадима с классиками и не хочу, чтобы его называли косолапым словом «вундеркинд». Он и в самом деле пишет обыкновенными словами о самых обыкновенных вещах. Но рассказы хочется перечитывать, и это значит: в них есть что-то необыкновенное. Какая-то тайна. Возможно, она – в способности чувствовать, слышать родину. Слышать без усилия, и даже вовсе не ведая о том, что, водя шариковой ручкой по бумаге, продолжаешь Пушкина, Аксакова, Чехова... Вадиму пишется по любви, и это самое главное.

Из рассказа «Рысь»: *«Сегодня после школы я пошел гулять по полю. Поле это в конце нашей деревни. Стоит там большой стог сена, это наш папа поставил в прошлом году. Я помогал тогда ему ставить. А сегодня я брожу по полю и грущу. Но что там вдалеке? Кто-то прыгает? Какое-то животное? Я нагнулся и пополз. И что я вижу! Это рысь с рысятами играет...»*

Из рассказа «Полярная ночь»: *«Сегодня я проснулся как всегда утром, сорвал лист календаря и ахнул – завтра наступит полярная ночь, а у меня как*

назло села батарейка в фонаре. Быстро оделся и помчался в магазин. По дороге домой я встретил своего друга. Он носился по улице от радости, что наконец будет полярная ночь. Он всегда рад ей, потому что в темноте носиться по улице гораздо интересней, чем днем...»

Насмотревшись, как живут москвичи, Никита сказал маме: «Все-то у них тут есть, а у нас... Но нам и не надо, правда? У нас вера есть...»

После одного случая соседи в поселке стали звать Никиту «молитвенником». А случай был такой. По весне приехали к соседке-старушке сыновья. Вышли за околицу, выпили, развели костер, а тут ветер налетел и понес огонь по сухой траве к поселку. Никита с мамой в это время были на реке, белье полоскали. Никита, почувствовав неладное, поднялся от реки на берег, а там уж все поле в огне. Пока бежали к дому, пока таскали ведра с колодца и заливали горящие заборы и сараи, Никита успевал непрестанно молиться: «Господи, помоги!..»

Люди потом удивлялись: откуда это у одиннадцатилетнего мальчишки? Здешний храм разрушен до основания еще до войны. С тех пор никто здесь не слышал, чтобы молитвы звучали так бесстрашно, в полный голос.

...Вернулись они из Москвы в Смоленскую на рассвете. Как свернули на свою улицу, собака Рада загремела цепью – почуяла хозяев.

На крыльце их встретили бабушка Нина и кошка Пушинка. Котофей Иванович самое интересное, как всегда, проспал.

Объединение «Школа поэзии» возникло в 2005 году при Дворце детского и юношеского творчества имени А.А. Алексеевой. Сейчас Школа продолжает свою работу в Центре детского творчества и объединяет лучших молодых поэтов города Череповца.

У Объединения уже немало творческих побед. Около двухсот пятидесяти дипломов различных степеней городских и областных литературных конкурсов, около тысячи публикаций в газетах и журналах, множество выступлений на местном радио и телевидении. Имеются победы и публикации на региональном и всероссийском уровне.

Здесь не только учатся писать стихи. Каждую неделю, а иногда и ежедневно ребята дают литературно-музыкальные концерты, встречаются с интересными людьми. Три раза за учебный год они ездили на областные фестивали в Вологду, в качестве гостей побывали на Всероссийском фестивале «Король поэтов» в усадьбе Игоря Северянина Владимирова и на празднике «Отечественные пенаты», посвящённом Дню рождения К.Н. Батюшкова, ездили с выступлениями в посёлки Шексна и Кадуи.

Каждый месяц в литературной гостиной Центра детского творчества проходят съезды молодых авторов города,

которые завершаются традиционным чаепитием. Ребята издают шесть (!) своих газет. Конечно, почти в каждом номере, печатаются и собственные стихи. Каждый месяц в разных библиотеках города и в «Молодёжном центре» проходят презентации этих изданий, где юные поэты выступают и в качестве певцов и музыкантов.

Что касается православной тематики, учащиеся её выбирают сами по зову души и сердца. Публикуются в местных православных газетах «Колокольчик» и «Радуга», а также в областных журналах «Вологодский лад», «Православное образование и воспитание». Посещают храмы (в Череповце, городе с населением 300 тысяч, их всего два, но уже строится третий). Участвуют в православных фестивалях и привозят не только дипломы, но и репортажи.

Хорошо, что в нашем городе есть места, где творческий человек, ребенок может заниматься любимым делом плодотворно и независимо от материального достатка семьи.

Руководит «Школой» педагог высшей категории Игорь Владимирович Эпанаев. Он прислал в «Лампаду» эту заметку, стихи своих питомцев, а одно юное дарование еще и рассказало о себе.

Юные рифмы Русского Севера

Дарья Смирнова, 9 класс, 15 лет

Откровенно признаюсь, что у меня много странностей и не все их понимают. Я увлекаюсь всем, чем только можно, интересы мои переменчивы, но всё-таки больше всего меня привлекают литература, живопись и музыка. Люблю писать стихи, рисовать и громко распевать песни. Главный недостаток – я откладываю всё на потом, но зато, если припрёт, из кожи вылезу, а сделаю. Меня заботит, что обо мне думают, однако живу, как вздумается, за что бывает стыдно. Ещё я не могу понять устройство своего настроения. Оно словно живёт своей жизнью, и потому мое поведение может выглядеть не адекватным ситуации. С людьми схожусь или моментально, или долгими месяцами. Обычно я либо очень болтлива (что, слава Богу, бывает реже), либо из меня слова не вытянуть. В общем, неуравновешенный человек. А ещё я учусь на пятёрки!

НОВЫЕ СЛОВА

Ласково – о море, глупое – о звёздах,
Нежное – о небе: новые слова.
Тот же самый берег, неизменный
воздух,

Если только вышла свежая трава.
Я смотрю на звёзды, я люблюсь
морем,
Я не вижу дыма и серьёзных бед.
Только лишь немые образы простора –
Главного чего-то в этой жизни нет.
Это не простые грёзы и туманы,
Это не капризы, прихоти весны.
Может быть, тогда несбыточные
планы?

Но без них любые радости пресны!
Я гляжу на берег, восхищаюсь небом,
Пролетают чайки, радостно кричат.
Белые вы птицы, словно бы из бреда
Странного поэта, что на лёгкий лад
Пишет, удивляясь, как это прекрасно,
И не понимает остальных людей.
Может быть, не зря, а может быть,
напрасно
Тратит он на это множество идей.

Екатерина Калинина, 16 лет, 11 класс

СОН ЦАРЕВНЫ

Одно несказанное слово,
Последний грустный милый взгляд,
Твоя душа исчезнет скоро,
Как на губах застывший яд.
Семь стражей жизнь оберегали,
Хранили молодость твою.

Пусть тучи небо закрывали,
Но жизнь цвела в родном краю.
И что ж теперь? Ты вечным сном
Укрыла слёзы и страданье.
И все мечты твои о нём
Померкнул, словно звёзд мерцанье.
Пока ты спишь, отдавшись ночи,
Пока не будит вкус любви,
Ты не откроешь свои очи,
И не продолжишь нить судьбы.

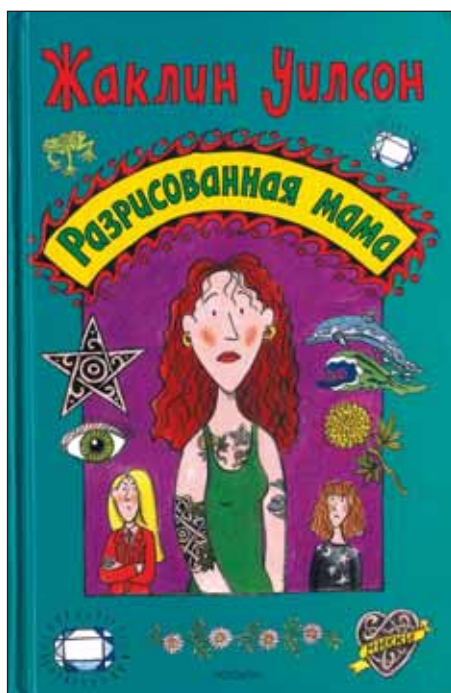
Илья Сысоев, 15 лет

Илья, к сожалению, не может регулярно посещать занятия «Школы поэзии» по состоянию здоровья и ввиду своей занятости. Кроме учебы в школе, он работает музыкантом в церкви. Однажды Илье приснился сон, что именно он должен начать собирать средства на строительство нового православного храма в Череповце. Как может ребёнок осуществить такую мечту? Однако мечта реализуется, и здоровье Ильи заметно улучшилось.

– Дай, Господь, – молю я Бога, –
В счастье верить на земле,
Чтоб вела меня дорога
Прямоком всегда к Тебе,

Марина Нецветева

Неправильные книжки миссис Уилсон

С книгами Жаклин Уилсон я встретила совершенно случайно, роюсь в гряде книжной разносортицы. Знаете такие лотки возле метро? Хотела найти для дочки какие-нибудь сказки с картинками. Томик в бирюзовом переплете, попавший под руку, выглядел типичной «книжкой для девочек». Я уже хотела положить его обратно, но зачем-то открыла. И купила. Вместе с тремя другими книжками того же автора. Читать в метро неудобно, но удержаться не удалось.

Меня пихали и толкали, а я предвкушала, как приеду домой, устройся поудобнее с чашкой чая и уж тогда оторвусь! Не тут-то было. Стоило мне переступить порог, как новинку перехватила дочь. Всю следующую неделю мы с головой ныряли в чтение, как только выдавалась свободная минутка. А когда все четыре книги были прочитаны, их у нас умыкнули. Одну унесла бабушка, три – крестная. «О, это то, что надо! Буду читать на работе!» – заявила она. Крестная – социальный педагог, читать детские книжки с воспитанниками входит в ее обязанности. Найти автора, который нравится современным подросткам, непросто, но Уилсон – редкое исключение. Дорогие читатели, вы уже готовы бежать в ближайший книжный? Не спешите. Книги – они ведь как лекарства. Что годится одному, не всегда

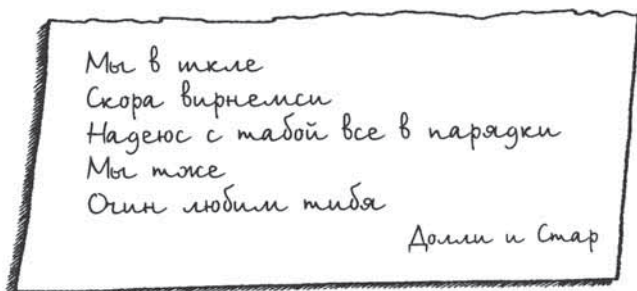
подойдет другому. И, чтобы не вводить вас в заблуждение, я просто обязана обозначить самые спорные черты произведений автора, так любившегося нам с дочкой.

Во-первых, не стоит ждать от Жаклин Уилсон большой глубины. Легкие, остроумные и трогательные истории, вышедшие из-под ее пера, собрали целую армию юных почитателей по всему миру, но написаны они в развлекательном ключе, и серьезной философии вы в них не найдете. Во-вторых, несмотря на лихо закрученный динамичный сюжет, мальчишкам эти книжки вряд ли покажутся интересными. Они сплошь про девочек и для девочек. В-третьих, Уилсон – англичанка. А это значит, что ее фантазия, словно знаменитая киплингская кошка, бродит, где вздумается, и гуляет сама по себе, не ограничивая себя дорожными знаками. Если вы любите английскую литературу со всеми ее феями, гоблинами, Питером Пэном и Мери Поппинс, – Уилсон вам понравится. Поклонников назидательной литературы в стиле Лидии Чарской твор-

чество смелой британки, скорее всего, повергнет в ужас.

Нет, назидательности в книгах Уилсон предостаточно. В силу многовековой традиции, англоязычному детскому писателю на роду написано быть моралистом. Но мораль у автора строится на крайне неожиданных и далеко не самых положительных примерах, какие отродясь не встречались в отечественной литературе. Мамы в мини-юбках, поддающие отцы, дети, предоставленные сами себе. Все они то и дело попадают в истории, пропадают, находят, ссорятся, нарушают закон и никогда не произносят длинных «мировоззренческих» монологов.

Кто же они, герои, вернее, героини Жаклин Уилсон? Тут, по законам жанра, нужно сказать: «обычные дети», – так ведь нет! Вовсе они не обычные, а трудные. Все без исключения. У каждой есть своя отметина, подчас постыдная. Физический недостаток, странная привычка, следы побоев, которые приходится прятать, одежда, в которой выглядишь, словно пупс из магазина игрушек. Конфликт с родителями или потеря, которая превращает тебя в настоящего «тормоза»... Да мало ли причин, чтобы стать белой вороной! Трудные подростки – это дети, столкнувшиеся с трудностями не

Взрослые предстают слабыми...

по возрасту. Родители не убергли: не смогли или просто не захотели.

Традиционно в детской литературе взрослые изображаются такими добрыми великанами: они знают, как надо жить, и всегда готовы прийти на помощь. Жаклин Уилсон показывает взрослых (то есть нас) совсем другими. Прежде всего, они не являются носителями истины: в их якобы разумной жизни сплошь и рядом царит полный беспорядок. Взрослые предстают слабыми, черствыми, жестокими и порой трагически беспомощными. Беспомощными до того, что детям приходится ими меняться. Папы и мамы ведут себя из рук вон плохо: сбегают из дома, закатывают истерики, теряют работу, транжирят деньги, изменяют, врут и лентяят. Детям очень хотелось бы, чтобы взрослые были умнее, честнее, ну, на худой конец, хотя бы приличней выглядели. Но родителей не выбирают, и дети любят их такими, какие они есть. Любят, пока есть хотя бы тоненькая ниточка доверия и надежды. Инфантилизм современных людей – это данность времени, факт, который Жаклин Уилсон констатирует в каждой книге.

В головах у взрослых нет царя, зато присутствует полный набор тинейджерских комплексов. Детям отчаянно не хватает защиты, поддержки, чувства дома. Единственной точкой опоры становится способность к любви и прощению. Любовь делает ребенка невероятно прочным, позволяет выбраться целым из самых трудных ситуаций. Но, чтобы любить, нужны большое мужество и смелость. Все девчонки в книгах Уилсон непременно проходят испытание, совершают решительный шаг навстречу другим людям. Принять то, что случилось, понять того, кто рядом, – условие, из которого впоследствии вырастает жизнеутверждающий финал. Вернее, многоточие. Автор предпочитает открытые концовки. Читатель не знает, что будет дальше, но уже спокоен за героиню: ей дали шанс. Такой вот своеобразный хеппи-энд: как же без него в детской книжке?

Если разобраться, ничего революционного Жаклин Уилсон не придумала. Она следует старому доброму английскому реализму, хорошо знакомому нам по «Оливеру Твисту», «Маленьким женщинам», «Полианне». Просто реаль-

ность нынче ненормальная. Реальность ТВ, просроченных кредитных карт, супермаркетов, платных усыновителей и дурацких уроков «полового воспитания», вызывающих у подростков такое отвращение, что приходится смеяться как можно громче, лишь бы заглушить стыд. Люди ухитряются каким-то образом жить в исковерканной реальности и даже создавать семьи. Получается с трудом. Но семья – по-прежнему главный генератор тепла в мире, поэтому Жаклин Уилсон изо всех сил старается сохранить ее для каждой из своих отважных героинь.

При этом автор недвусмысленно дает понять, что без посторонней помощи из беды не выбраться, нужен сталкер. Учительница, хозяйка приюта, дальний родственник, чуткий друг-ровесник – в каждой книге рано или поздно появляется некий персонаж в роли доброго волшебника. Уилсон никогда не проповедует «в лоб», но мысль о Боге, действующем через людей, прослеживается совершенно отчетливо. Впрочем, общество в ее представлении тоже вполне ничего, в нем много вменяемых взрослых, равнодушных и

Папы и мамы сбегают из дома, закатывают истерики...

Любовь делает ребенка невероятно прочным...

ответственных. То и дело чужие дяди и тети помогают детям найти дорогу, позвонить домой, заплатить за пончик в лавке. Даже подкармливают соседски, если надо. Подобные эпизоды кочуют по страницам, вызывая недоумение у русского читателя: они там что, в Англии, действительно все такие добрые или автор преувеличивает?

Мне тут недавно довелось зайти на один форум рунета, где горячо обсуждался вопрос, как доходчивей наказать

пятилетнего малыша. Ребенок лежал в больнице, его никто не навещал, и парень с голоду залез в чужой пакет с едой, шокировав дамское сообщество «преступными» наклонностями. Честное слово, открываешь потом Уилсон – завидки берут!

Я не рискну рекомендовать «Разрисованную маму», «Плохих девчонок», «Вики-Ангел» или «Новый старт» всем читателям «Лампады». Есть такое правило у профессиональных психологов:

«не болит – не трогай». Думаю, дети из редких благополучных семей, никогда не сталкивавшихся с проблемой развода, насилия, бедности, социальной дезинтеграции, прекрасно обойдутся без этих книг. Вне конкретного опыта сопереживания лучше воспитывать на классике, на Зальтене с Крапивинным. Что касается тех, у кого семейный анамнез оказался не столь безоблачным, – ну что ж, про нас, оказывается, пишут хорошие книжки.

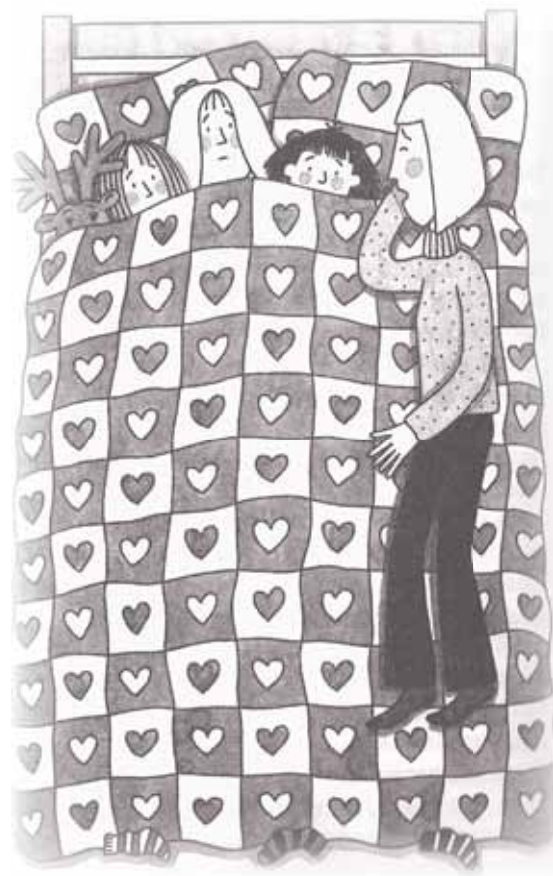
Жаклин Уилсон (Аткин) родилась в 1945 г. в городе Бат, что в самом центре графства Сомерсет. Ее отец был госслужащим, мать – антикварным дилером. Первый рассказ она сочинила в 9 лет и тогда же решила стать писателем. В школе слыла мечтательницей, за что получила прозвище Джеки-Грёза. В 1965 году Жаклин вышла замуж за Уильяма Миллара Уилсона, их дочь Эмма впоследствии тоже стала писательницей. С 60-х годов Уилсон пишет истории для детей, но слава приходит к ней в 1991 году, после выхода в свет книги «Дневник Трейси Бикер». С тех пор книги Жаклин Уилсон неизменно входят в шорт-листы престижных литературных премий и нередко побеждают. «Разрисованная мама» в 1999 году удостоилась Детской Художественной премии Guardian. Книги Жаклин

Уилсон переведены на 70 языков, их тираж в одной лишь Великобритании превысил 20 млн. экземпляров. В 2002 году писательница была награждена орденом Британской империи, а в 2008 году ей присвоен дворянский титул. Леди Уилсон носит черное, всем украшениям предпочитает серебро и никогда не расстается с маленьким плюшевым медвежонком. Ее героини больше любят читать, чем играть в компьютерные игры. Вот уже много лет писательница сотрудничает с художником Ником Шэрратом, который иллюстрирует ее книги.

Жаклин Уилсон: *Я только чуть-чуть богата, – так, чтобы покупать много колец и книг, и только чуть-чуть известна, – так, чтобы дети иногда узнавали меня и просили автограф; но это замечательно – быть писателем!*

Родителей не выбирают, и дети любят их такими, какие они есть

Чтобы любить, нужны большое мужество и смелость

Разговор о самом главном

На самом исходе минувшей осени в храме во имя Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине художественная Москва простилась с выдающимся иллюстратором детской книги, народным художником России Львом Алексеевичем Токмаковым. Долгие годы он был прихожанином этой маленькой, когда-то сельской, церкви. Неподалеку находилась и его мастерская.

Чин отпевания художника совершил протоиерей Дамиан Круглик, настоятель московского храма Преображения Господня в Богородском, преподаватель Сретенской Духовной Семинарии.

Отец Дамиан произнес необычайно проникновенное надгробное слово. Он рассказал, как много лет назад к нему в храм (в ту пору о. Дамиан служил в церкви Алексея, митрополита Московского, в Середниково) пришел Лев Алексеевич с просьбой окрестить его. Вскоре после этого семья художника и священника подружились. Лев Токмаков занимался рисованием с детьми батюшки. Они росли на его книгах. Они видели, какой огромный труд стоит за каждой иллюстрацией – сотни и сотни эскизов, вариантов. Младший сын о. Дамиана, вдохновленный мастером, поступил в

Суриковский художественный институт и успешно его окончил. Батюшка вместе со своей большой семьей всегда приходил на выставки Льва Алексеевича.

«Настоящий художник, – сказал о. Дамиан, – не может пройти мимо Евангелия, мимо евангельских событий и образов. И Лев Алексеевич многие годы работал над иллюстрациями к своей книге «Чудеса Господни». Он многого достиг на этом трудном, но благодатном пути... Сегодня все созданное этим добрым

ностью, с какой люди рассказывают о собственном детстве, сохраняя и здесь свою неповторимую, токмаковскую интонацию.

Открывает книгу «Чудеса Господни» благословение митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия: «Иллюстрации художника Льва Токмакова на библейские темы являются попыткой проникнуть в духовную суть великих и святых событий и донести их вечное содержание до детских сердец. Да благословит Господь всех, открывающих страницы этой книги».

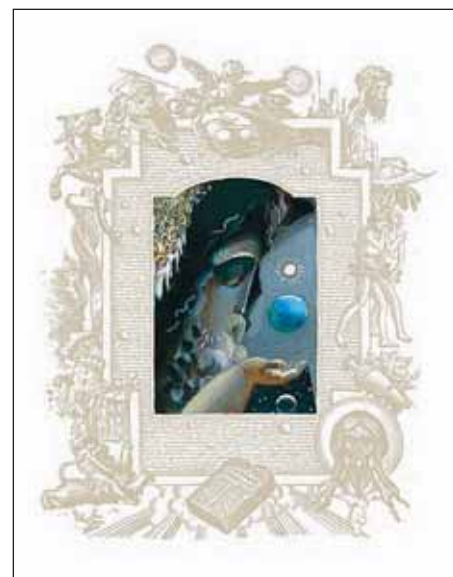
В начале 1950-х годов первой книгой, которую проиллюстрировал Лев Токмаков, был сборник стихов Елены Евгеньевны Хоринской. Последняя книга, над которой работал Лев Алексеевич, была также связана с родным ему Уралом: «Аленушкины сказки» Д.Н. Мамина-Сибиряка. Лев Алексеевич вспоминал, что в детстве это была его любимая книга; проиллюстрировать ее художник мечтал всю жизнь. Минувшим летом он специально приезжал в Екатеринбург, чтобы посмотреть все издания «Аленушкиных сказок» в музее Мамина-Сибиряка.

Форзац

и светлым человеком уходит в вечность».

Больше тридцати (!) издательств пришлось обойти восьмидесятилетнему художнику, прежде чем удивительная книга «Чудеса Господни» вышла нынешней осенью в издательстве «РИПОЛ классик» (весьма большим для нашего времени тиражом – 10 тысяч экземпляров). Удивительна эта книга прежде всего тем, что Токмаков здесь выступает и как толкователь Священного Писания. Но это не богословие и не проповедь. Это тихий разговор с ребенком о самом главном в жизни. Токмаков рассказывает о евангельских событиях с той простотой и сердеч-

Одна из страниц книги

С уважением, Мария Городова, или 24 письма о любви

Свою новую книгу Мария Городова назвала «Сад желаний», повторив название одной из глав. Этим автору, очевидно, хотелось подчеркнуть: суть и смысл названной главы – основные суть и смысл книги в целом. Мне не случилось поговорить с автором об этом. Но если бы представилась возможность, я бы рискнул высказать несогласие. На мой взгляд, название едва ли не любой из 24 глав равно успешно могло быть вынесено на обложку, ибо каждая несет в себе и суть, и смысл того, как возрастать в себе главное – любовь к ближнему. Прочтите. Убедитесь.

Глава, которую мы предлагаем вниманию читателей «Лампады», на первый взгляд, не очень отвечает пафосу книги. Однако только на первый взгляд. Если вдуматься, и она о том же, самом главном, – о любви. Пусть в данном случае о ее отсутствии. Но давайте вдумаемся...

Отдельной строкой – о необычной и творчески оригинальной конструкции книги: каждая глава – это живое письмо-обращение к автору, комментарий-ответ самой Марии и текст наиболее подходящей к описываемому случаю молитвы. Это, можно сказать, книга-диалог, где с одной стороны звучат боль и правда, а с другой – понимание и любовь.

ПИСЬМО 10. ЛИХОИМЦЫ

Здравствуйте, Мария! Думаю, та боль и унижительное чувство бессилия, которые мы испытали в те трагические для нас с женой дни, знакомы многим. Казалось бы, прошел почти год, моей тещи Тамары Ивановны уже нет в живых, но как только я вспоминаю то бесчеловечное, скотское отношение, с которым мы столкнулись тогда, волна гнева и негодования снова поднимается во мне. И я хочу понять, почему отсутствие ничтожной бумажки может обрекать человека на страдания, страдания в прямом смысле слова!

Почему тот, кто имеет право эту бумажку выдавать или не выдавать, превращается в бездушное животное, неспособное или не желающее ничего слышать? Разве у той надменной начальницы паспортного стола, которая, несмотря на наличие у нас всех справок, упорно не выдавала нам разрешения на временную прописку тещи, прописку, без которой мы не могли получить для умирающей больной обезболивающие, не выдавала, потому что для этого нужно «личное присутствие прописываемого», разве у нее нету матери? Или ей самой незнакомо чувство боли? Или у нее никогда не разрывалось сердце, если мучились ее близкие?

Я не могу понять, что таится у таких людей там, внутри – за внешностью человека? Да и человек ли эта паспортная начальница, если после того, как моя рыдающая жена рассказала ей о том, что мама стремительно сгорает от рака, что без прописки врачи не имеют

права выдавать рецепты на сильнодействующие анальгетики и что физически невозможно привезти умирающую в паспортный стол, если она, выслушав все, с каким-то садистским наслаждением отрезала: «А если б и привезли, все равно разрешения дать не могу – у вас тут справка о договоре поднайма не по форме!..»

Мария, вот вспомнил это, и опять во мне все закипело. Неужели единственная мысль, которая возникает у таких людей: «Раз ты от меня зависишь – значит, будешь платить!», единственное чувство, которое рождается в их душе – желание денег? Да это, кстати, еще большой вопрос – а есть ли у взяточника душа? Дмитрий Михайлович С.

* * *

Здравствуйте, Дмитрий Михайлович! Сочувствую Вашему горю, разделяю Ваше негодование – каждому из нас хотя бы раз в жизни приходилось сталкиваться с подобным бездушием. Надеюсь, Дмитрий Михайлович, что у Вас и Вашей жены, как у людей верующих, найдутся душевные силы простить виновницу Ваших страданий. Проблема, которую Вы подняли, гораздо шире конкретных лиц и имен. По сути, вопрос можно сформулировать так: какой урон наносит взяточник не государству, не отдельным гражданам, страдающим от его лихоимства, а себе, своей душе? По-моему, этот аспект проблемы коррупции пока еще не осмыслен, и, как мне кажется, напрасно.

Еще Достоевский в «Бесах» подметил явление, которое назвал «административным восторгом»: если поставить «какую-нибудь самую последнюю ничтожность у продажи каких-нибудь дрянных билетов на железную дорогу», то «эта ничтожность тотчас же сочтет себя в праве смотреть на вас Юпитером, когда вы пойдете взять билет... “Дай-ка, дескать, я покажу над тобой мою власть”». Речь здесь идет о любоначалие – упоении властью, кстати, любоначалие – не единственный грех, свойственный взяточнику. Само искание взяток называется лихоимством и считается «страстью крайне развращенных людей» (св. Тихон Задонский). Русская литература XIX века подробно исследовала процессы, происходящие с теми, кто «чиновник с виду, но подлец душой», и ее художественные открытия совпадают с учением святых о грехе и о страстях – этих болезнях души человеческой. Итак, что же творится в душе искусившегося мздоимца?

Святой Иоанн Кронштадтский считал, что «грех есть духовное прелюбодействие души человеческой с дьяволом»: человек подставляет дьяволу свое сердце, и враг, соединяясь с душой, изливает в сердце человека свое семя – яд греха. Если раненность, возникающую в результате такого противоестественного соития, сразу не уврачевать Божественной силой благодати, яд начнет действовать. Повторение греховного поступка ведет к тому, что мы углубляем и растрavляем рану.

Для гибели человека достаточно даже одного порока: подобно тому, как

зияющая рана является воротами для различных инфекций, так и один грех будет открывать вход в душу всем грехам и всем страстям. «Пороки как бы держатся один за другой, и в кого входит один, в того... входят неприметно и прочие... Желание приобретать большее и иметь преимущество перед другими влечет за собой гнев к равным, гордость в отношении к низшим и зависть к высшим. За завистью следует притворство, за ним озлобление; а вслед за всем ненависть к людям» (свт. Григорий Нисский). Остановить этот губительный процесс разложения души может только совесть – это запечатленное в сердце человека знание о добре и зле. Это она, совесть, кричит нам о том, что душа ранена. Но чем сильнее вовлеченность человека в грех, тем слабее – вот оно, отравляющее действие яда греха! – слышит он голос своей совести, а подчас, казалось бы, этот голос совсем пропадает. Молчание совести можно сравнить с болевым шоком, который наступает, если повреждения, полученные при ранении, значительны. В обоих случаях – это сигнал смертельной опасности.

«Крайнее окаменение, омертвление и нечувствительность заключаются в том, что кто-либо имеет большую смертельную рану, но не ощущает болезни. Последнее же безумие заключается в том, чтобы падать в яму, в пропасть – и не знать этого своего падения, ... не бояться. Это похоже на пьяницу, безмерно напивающегося, который не понимает, что с ним делается, бьют ли его, или он сам, упав, ударился и ушибся» (свт. Димитрий Ростовский). На этой стадии поражения души отрезвление может произойти только как результат крайне радикальных мер, примененных к больному извне.

Кроме такого окаменелого бесчувствия, отцы Церкви, отмечают и другие последствия воздействия греха на человека – это слепота ума, жестокость и ненасытность. Внешне эти изменения души человеческой могут проявляться в неожиданных сменах настроения и лживости. Заметнее всего эти признаки разрушения личности бывают у наркоманов и алкоголиков, но вообще-то, они свойственны всем, кто поработен

какой-либо страстью. Вспомните, что написал Гоголь о городничем в «Замечаниях для господ актеров» к «Ревизору»: «Переход от страха к радости, от грубости к высокомерию довольно быстр».

Кстати, вы никогда не задумывались над тем, почему прожженный городничий так обмисурился, приняв вертопраха Хлестакова за значительную фигуру? Это как раз результат ослепленности ума, о которой пишут святые. И Гоголь тут гениально точен, когда вкладывает в уста того, кто «мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду!...» следующее объяснение инцидента: «У меня, право, в голове теперь... сам не знаю, что делается!» Бес попутал!

Дмитрий Михайлович, думаю, что про ожесточение и ненасытность взяточников долго распространяться не стоит – как писал тот же классик: «Оригиналы ... всегда почти находятся перед глазами». А вот на том, что идолослужение деньгам, в конце концов приводит если не к духовной смерти, то к пустоте, остановиться стоит. Человек внешне в порядке: он ходит, смеется, ест, разговаривает, но это уже только его оболочка: он глух к чужому несчастью, он не способен на сострадание – вот они, мертвые души! Летящий стих Пушкина зафиксировал такое вырождение в трех строках:

*И отставной советник Флянов,
Тяжелый сплетник, старый плут,
Обжора, взяточник и шут,*

– больше об отставном советнике и сказать-то нечего: одни пороки, и ничего, что хотя бы намекало на присутствие души. Салтыкову-Щедрину для того, чтобы исследовать, как мучается и гибнет живая душа под бременем грехов, потребовался роман. Прочитайте то место, где у Иудушки Головлева рассыпается совесть. Оказывается, даже у него она «не вовсе отсутствовала», но что может быть страшнее, чем миг, когда твое собственное прошлое вдруг «двинулось навстречу, каждоминутно угрожая раздавить»...

Кстати, возвращаясь к греху лихоимства, заметим, что если «блуднику,

злобному, пьянице и прочим нужно только отстать от грехов и покаяться, чтобы спастись, то лихоимцу не только отстать должно..., но и похищенное возвратить тому, у кого похитил, или, если того сделать невозможно, расточить то, что во зле собрал. Ибо иначе ему каяться невозможно» (св. Тихон Задонский). Потому-то, видно, и считается, что лихоимство опасней других беззаконий – что-то не слышно о добровольном возвращении награбленного.

И все-таки, думаю, есть то, что способно остановить даже самого заматерелого взяточника. Это наши дети. В современном богословии активно обсуждается понятие родового греха. Профессор МДА А. И. Осипов говорит о нем так: «Родовой грех – это ... болезнь нравственного порядка, болезнь, с которой рождается человек, но источником которой является не он сам, а его родители, его предки». Преступление, совершенное предком, может отразиться на духовном состоянии 3-4 поколений. Каждый может вспомнить примеры наследственной завистливости, жадности, склонности к иным, более страшным порокам. Если среди потомков найдутся те, кто сможет этой родовой поврежденности противостоять, она будет исцелена – и здесь безусловна врачующая сила благодати. Но, главное, мы должны стать умнее. «Родители, если вы действительно любите своих детей, – призывает Осипов, – бойтесь греха! Не думайте, что ваша жизнь не имеет для них никакого значения»

Спасибо за письмо, с уважением,
Мария Городова

Книгу «Сад желаний» (М., «Никея», 2010г.)

можно приобрести в магазинах:

«Библио-глобус» (Москва, ул. Мясницкая, д. 6/3. Тел.: (495) 781-19-00),

«Сретение» (Москва, ул. Лубянка, д. 17. Тел.: (495) 623-80-46),

«Православное Слово» на Пятницкой (Москва, ул. Пятницкая, д. 51. Тел.: (495) 951-51-84),

Торговый дом книги «Москва» (Москва, ул. Тверская, д.8).

Дмитрий Шеваров

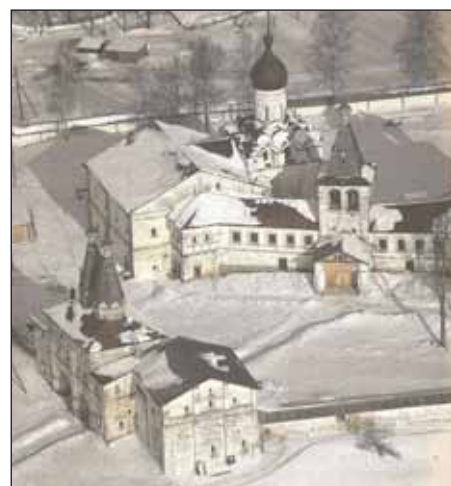
Эпохи одинокий колокольчик 29 ноября 2010: † Белла Ахмадулина

Её имя – одинокий колокольчик эпохи. В годы, когда многопудовые колокола были разбиты или вынужденно молчали, нежный голос Беллы был слышен миллионам людей. Они могли не понимать поэзию, не входить в тонкости словесных образов, но они чувствовали, что слышат нечто не от мира сего.

Ахмадулина пришла к читателю в конце 1950-х годов, когда бульдозеры остервенело вгрызались в стены белых храмов и людей убеждали, что молиться – старь, стыдно, нелепо. А её стихи были вызывающе «старомодны» и звучали, как псалмы. На комсомольскую эстраду, к микрофо-

ну, она являлась будто не с московского асфальта, а с каких-то неземных тропинок. По сути своего дара она была псалмопевицей, внучкой тех безымянных странниц, что наполняли Русь духовной поэзией и устными сказаниями.

Она очень любила Ферапонтовский монастырь, к стенам которого приезжала много лет подряд и надолго. В память о жизни Беллы Ахмадулиной в Ферапонтове остались не только её стихи, но и её «деревенская» проза, полная любви к Богу и людям. Предлагаем вам фрагмент из документальной повести-дневника «Нечаяние».

...По этой дороге едва ли не каждый день ходили мы в Ферапонтово. Внизу – нежно-суровое озеро, среди которого высился когда-то крест одинокого отлученного Никона, прибрежные камушки, которые избирательно толкал Дионисий для своих красок, а сыновья левкасили стены, он учил их быть не хуже себя, они, должно быть, отвечали: «Нет, батюшка, мы не посмеем».

На возвышении – меньший и большой входы в ограду Монастыря (вход и въезд), два возглавия надвратной церкви (Борис¹ подошел и нарисовал карандашом). В соборе Рождества Богородицы шла тогда реставрация, Борис трепетал за Дионисия, музейные служители, по призыванию близкие священнослужителям, его утешали. Главная из них, Марина, разрешала нам подниматься по лесам. Приходилось охорашивать душу, хотя бы на время, по высокой опрятности, Дионисий с сыновьями любовно содействовали. Невероятно и непостижимо виделись из близости чудные, словно нерукотворные, деяния Мастера и родных подмастерий. До лика Спасителя не добирались. Осторожно спускались, минуя и усваивая небесные и околонебесные, озерные и приозерные цвета и оттенки настенной росписи.

< ... > Монастырь строился и достраивался в конце пятнадцатого столетия, прочно стоял и белел до сокрушительного двадцатого, этим годом кончающегося. “Переживет мой век забвенный...”

¹ Борис Мессерер, художник. Муж Беллы Ахатовны.

Фото Виктора Ахломова

Жилищный вопрос и социальный ответ

То, что жилье – вечная и вечно острая тема, вопросов не вызывает. Когда ее удастся решить и удастся ли? – вот вопрос. Частичный ответ на него дает идея предоставления жилья гражданам, чей уровень дохода не позволяет им самим решить жилищную проблему. Это так называемое социальное жилье, то есть государственное или муниципальное. Кто может на него рассчитывать?

Предоставление этого права зависит от следующих условий:

– если у гражданина и членов его семьи вообще отсутствует какое-либо жилое помещение на праве собственности или на праве пользования;

– если на каждого члена семьи гражданина, претендующего на получение жилого помещения, приходится жилья менее учетной нормы;

– если жилое помещение не соответствует установленным требованиям и безопасности;

– если имеются большие, страдающие такой формой заболевания, при которой жить вместе в одной квартире невозможно.

Что же касается предоставления жилья из жилищного фонда непосредственно в г. Москве, то этот вопрос урегулирован в соответствующем Законе № 29 от 14 июня 2006 года «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» и имеет свои дополнительные особенности.

Так, в Москве нуждающимися в предоставлении жилья при наличии хотя бы одного из вышеназванных четырех условий признаются только малоимущие граждане Российской Федерации, занимающие на одного человека менее 10 кв. м общей площади для отдельных квартир и менее 15 кв. м общей площади для коммунальных квартир и проживающие на законных основаниях в Москве не менее 10 лет.

Поэтому для утверждения москвичей в статусе нуждающихся в жилье орган местного самоуправления должен на основании заявления и подтверждающих документов официально признать их таковыми. То есть не способными без помощи государства обеспечить себя жильем. Эти люди должны быть поставлены на учет в течение 30 рабочих дней.

Для граждан, принятых на учет, подсчет необходимой площади для переселения производится следующим

образом: количество проживающих умножается на 18 кв. м, что дает общую площадь требуемого помещения. Иными словами, размер общей площади жилого помещения, предоставляемого по договору социального найма, должен соответствовать норме предоставления для гражданина и членов его семьи, которая составляет 18 кв. м общей площади на одного человека.

При этом:

на одного человека допускается предоставление помещения общей площадью до 36 кв. м общей площади;

на семью из двух супругов – до 44 кв. м общей площади;

на семью, состоящую из двух человек, не являющихся супругами, – двухкомнатная квартира площадью до 50 кв. м;

на семью из трех человек, в составе которой есть супруги, – двухкомнатная квартира площадью до 62 кв. м;

на семью из трех человек, в составе которой нет супругов, – трехкомнатная квартира площадью до 74 кв. м;

на семью из четырех и более человек – жилое помещение площадью по 18 кв. м на одного члена семьи (получивший размер жилого помещения может быть увеличен не более чем на 9 кв. м).

Однако отдельным категориям граждан законодательство устанавливает и другие нормы. В частности, Герои Советского Союза, Герои Российской Федерации и полные кавалеры орденов Славы имеют право на дополнительную жилую площадь в размере 20 кв. м. Для Героев Социалистического Труда и полных кавалеров ордена Трудовой Славы дополнительная площадь составляет 15 кв. м. Отдельным категориям инвалидов, страдающим тяжелыми формами хронических заболеваний, предусмотренных установленным перечнем, может быть предоставлено жилое помещение по договору социального найма общей площадью, превышающей норму предоставления на одного человека в два раза.

В ситуации, когда дом, в котором находится жилое помещение, занимаемое по договору социального найма, подлежит сносу, органами, принявшими решение о сносе такого дома, предоставляются другие благоустроенные жилые помещения по договорам социального найма.

Если граждане не признаны нуждающимися в жилье, то при переселении из таких жилых помещений они имеют право на предоставление им в установленном порядке других благоустроенных жилых помещений в районе проживания либо на предоставление собственникам равноценного возмещения по их выбору в денежной или натуральной форме в виде предоставления равнозначного жилого помещения.

При этом размер денежного возмещения собственнику должен соответствовать размеру рыночной стоимости освобождаемого жилого помещения. Возмещение в натуральной форме предоставляется собственнику в виде другого равнозначного благоустроенного жилого помещения путем заключения договора мены или иного договора.

Основным критерием переселения граждан в случае сноса дома служит соответствие количества, размера и местоположения жилых помещений нормам действующего законодательства.

Жилищный кодекс РФ по этому поводу предусматривает, что в связи с выселением вновь предоставляемое жилое помещение должно быть, во-первых: благоустроенным применительно к условиям того населенного пункта, в котором находится. Во-вторых: равно по общей площади ранее занимаемому жилому помещению. В-третьих: если наниматель и проживающие совместно с ним члены его семьи до выселения занимали квартиру или не менее, чем две комнаты, наниматель соответственно имеет право на получение квартиры или на получение жилого помещения, состоящего из того же числа комнат, в коммунальной квартире. И, наконец, в-четвертых: жилье должно быть расположено в черте того же населенного пункта, в котором ранее проживал выселяемый наниматель.

Граждане, являющиеся участниками жилищных отношений на территории Российской Федерации, в равной степени обладают правом на судебную защиту, если они полагают, что их жилищные права нарушены.

ЛАМПАДА

в Вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ
www.znamenie-hovrino.ru

Рекомендовано Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

Выписать журнал «ЛАМПАДА» можно
в любом отделении связи

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – **43570**

Подписной индекс в Каталоге «Почта России» – **16594**

На «ЛАМПАДУ» можно подписаться и
непосредственно в редакции. Позвоните:
8 916 388 4188 или
8 926 105 105 4

Журнал также можно купить или подписаться на него с помощью Издательского дома «Димитрий и Евдокия»

телефоны: 8-916-150-1140
(495) 676-5720
(495) 410-2194

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Всех Святых в Красном Селе (б. Ново-Алексеевского монастыря),
2-й Красносельский пер., 7
св. мц. Татианы при МГУ, ул. Б. Никитская, 1
Успения Пресвятой Богородицы в Путинках,
Успенский пер., 4
Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском, ул. Крылатские Холмы
вмч. Георгия Победоносца в Коптеве, Б. Академическая ул., 33
св. блгв. царевича Димитрия при Голицынской (1-ой Градской) больнице, Ленинский просп., 8, корп. 5
Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском, ул. Церковная Горка, 26а

Троицы Живоначальной в Хохлах, Хохловский пер., 12
Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке, Газетный пер., 15
иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами, 1-й Колобовский пер., 1, стр. 2
Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово (г. Долгопрудный) ул. Парковая, 2
Подворья Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 2-я Тверская-Ямская ул., 52
Сретенского ставропигиального мужского монастыря, ул. Б. Лубянка, 19, стр. 1
Новоспасского ставропигиального мужского монастыря, Крестьянская пл., 10

Просим помолиться о здравии жертвователей рабов Божиих Александра и Светланы

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

№ 1 (76) 2011

ЛАМПАДА

Журнал для тех, кто стремится к Истине

Тема номера:
**ПРАВОСЛАВИЕ –
РЕЛИГИЯ ЗАПРЕТОВ?**

- Умей шутить с людьми!
- 24 письма о любви
- Квартира от государства